

2/7
«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE BIMESTRIEL

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 35

SEPTEMBRE-OCTOBRE — NOVEMBRE-DECEMBRE

V-VI 1954

« LE MESSENGER »

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редактор: И. В. Морозов.

Редакционная коллегия: К. А. Ельчанинов, Н. А. Струве (Франция);
прот. Александр Шмеман, М. Р. Гизетти, О. Раевская (Америка).

СОДЕРЖАНИЕ

1. От Редакции. Общий путь	1
2. Слово св. Григория Богослова о Рождестве Иисуса Христа	2
3. Полнота истины и полнота христианской жизни (По по- воду статьи С. С. Верховского «Православие как истина») — М. Лот-Бородина	2
4. О Православии, его познании и проповеди (Ответ М. Лот- Бородиной) — С. С. Верховской	6
5. Post-scriptum — М. Лот-Бородина	11
6. Еванстон — протоиерей Георгий Флоровский	12
7. Символика в архитектуре и убранстве западных и восточ- ных храмах — проф. Гр. В. П. Зубов	22
8. Литургическое значение священного искусства — В. П. Рябушинский	26
9. Чехов человеколюбец — П. Е. Ковалевский	30
10. Ис тин полин (Продолжение) — Л. А. Зандер	33
11. Церковь в Советской России — Н. А. Струве	38
12. Б. П. Вышеславцев — Н. Н. Алексеев	42
13. Памяти Бориса Петровича Вышеславцева — Л. А. Зандер	45
14. Архив Б. П. Вышеславцева	47
15. Памяти Н. А. Добровольской-Завадской. Архим. Авраамий	49
16. Письмо в Редакцию	50
17. Библиография	
а) «Православие в жизни», сборник статей под редак- цией С. С. Верховского — Архим. Авраамий ..	52
б) Г. Манухина. «Святая Благоверная Княгиня Анна Кашинская — М. Л.-Б.	56
в) I. M. de Buck. «Dieu parlera ce soir» — свящ. А. Семенов Тянь-Шанский	57
г) С. П. Жаба. «Русские мыслители о России и Че- ловечестве» — П. Е. Ковалевский	59
д) Н. М. Зернов. «Вселенская Церковь и Русское Православие» — Е. П.	60
18. Хроника	
а) Съезд Русского Студенческого Христианского Движения в Америке	60
б) Работа Р.С.Х.Д. во Франции	61

Журнал выходит 6 раз в году. Цена отдельного номера 100 фр.

Le journal paraît 6 fois par an, Prix du N° 100 frs.

Prix de l'abonnement annuel: 500 fr. Adresse de la Rédaction :

Monsieur J. Morosov, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15° (France).

Редакция «Вестника» поздравляет всех своих
сотрудников, читателей и друзей с праздником

РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

ОТ РЕДАКЦИИ

ОБЩИЙ ПУТЬ

Разделение христианского мира объясняется многими причи-
нами. Вероисповедные, догматические различия, при всей своей
важности и центральности, являются часто последствиями куль-
турного, национального, политического, географического отчуж-
дения приведшего христиан ко взаимной вражде. Это отчуждение
по существу не относится к предмету нашей веры. Оно существо-
вало и до разделения. Но вся трагедия и грех заключаются в
том, что при отсутствии любви, оно привело к разделению, к ве-
роисповедным различиям, т. е. к заблуждению и к ереси во мно-
гих частях христианского мира.

Икуменизм принес снова любовь между христианами. Он не
устранил догматических разниц, не объединил Церкви, но он пы-
тается упразднить одну из причин приведших, в прошлом, к раз-
делению. В Икуменическом Движении, между христианами уста-
навливается единство устремления и единство надежды. Кто бы-
вал хоть раз на икуменической встрече с нашими инославными
братьями, не может не почувствовать всю силу и подлинность
устремления всего христианского мира ко Христу.

Мы, православные, верим и знаем, что поскольку это устрем-
ление подлинно, оно должно привести к единству в вере и в
Истине, т. е. к Православию. Именно поэтому мы не имеем права
отказываться от участия в Икуменическом Движении. Отсутствие
с нашей стороны любви к нашим братьям может только углубить
разделение.

Перед лицом нехристианского и антихристианского мира, еди-
нение христиан на Еванстонской конференции в общем исповеда-
нии «Христа, надежды мира» есть огромное духовное событие. До
полного единства путь еще далек, но сойти с этого пути уже
нельзя.

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
Н. РАДИЦЕВСКАЯ Д. 2

цв. 600

СЛОВО СВЯТОГО ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА О РОЖДЕСТВЕ ИИСУСА ХРИСТА

Христос, когда увидел, что погубляющий душу грех истребил в человеческом теле все, что было вложено небесного, и хитрый змей царствует над людьми, тогда, для возвращения Себе Своего достоинства, не других помощников послал против болезни (потому что в великих страданиях слабое врачевство недостаточно), но Сам явился, истощив славу, какую имел. Он явился, став смертным, пришел чрез Матерь-Деву, чтобы Целому спасти целого человека. Тогда, чрез преступное вкушение пал целый Адам, теперь по человеческим и вместе нечеловеческим законам, воплотившись в честной утробе жены не познавшей брака (о, чудо невероятное для немощнейших!), пришел Бог, сочетавший во едино два естества: одно сокровенное и другое видимое для людей. В двух естествах единый есть Бог — мой Царь и Христос, который стал человек, чтобы, явившись среди земнородных другим, новым Адамом, ухаживать прежнего Адама. Но Он явился, закрывшись отовсюду завесой, потому что иначе невозможно было бы приблизиться к моим немощам, и притом, нужно было, чтобы змей почитающий себя мудрым, приступив к новому Адаму, неожиданно встретил Бога и о крепость Его сокрушил свою злобу, как шумное море сокрушается о твердый утес. Когда явился Христос, то при Его рождении поколебались земля и небо. Небесный лик возгласил песнопения, а звезда с востока указывала путь волхвам, служителям новорожденного Царя, приносящим Ему дары.

ПОЛНОТА ИСТИНЫ И ПОЛНОТА ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

По поводу статьи С. С. Верховского «Православие, как истина»*)

Вот уже почти 2000 лет, как глядит на нас и сияет нам с неистлевающих страниц Евангелия живой образ Христа, сказавшего о Себе: «Я есмь путь, истина и жизнь» (Ио. XIV: 6). Значит путь давно указан, истина открыта, жизнь дана. И, однако, не только язычники всех времен, но и христианские народы продолжают блуждать по окольным весям, церкви их непрерывно спорят, если

*) См. «Вестник» № 30, 1953 г.,

не о самой истине, то о единственно правильном истолковании ее... Но, быть может, всего печальнее то, что даже искренне верующие церковники, за редкими исключениями, не живут христианской жизнью и, во всяком случае, не обладают полнотой ее.

О коренных причинах этих прискорбных, но, увы, несомненных фактов распространяться не приходится, уже по одному тому, что **первопричины** вообще нам недоступны. Но исторически, и, главное, психологически, такое расхождение идеала и действительности вполне понятны при немощи нашего тварного естества, пусть восстановленного в акте Искупления, но не только **потенциально**. Даже обновляющее укрепление всего душевно-духовного организма церковными таинствами недостаточно без соучастия воли в деле спасения, ибо человек призван Богом к **свободному** приятию или неприятию дарованной ему благодати. Одно (и притом всегда относительное) познание истин веры не приводит поэтому автоматически к ее осуществлению в земной эмпирии.

Между тем автор вышедшего в «Вестнике» Р.С.Х.Д. очерка, «Православие, как истина» (первый из намеченной им серии — «Пути православия»), С. С. Верховской, совершенно не хочет считаться с этими конкретными данными. Правда, он не отрицает несовершенства нашей познавательной способности, а также несовершенства наших жизненных воплощений, но, тем не менее, требует от каждого православного не только ревности в исповедании (что естественно и желательно, хотя совсем не легко), а и принципиального динамического прозелитизма да еще в **мировом масштабе**. Выскажем, прежде всего, некоторое недоумение по поводу самой установки вопроса и особенно того двойственного критерия, коим руководствуется автор в познании и признании абсолютной истины Православия. Подход у него одновременно строго **авторитарный** и вместе чисто **рационалистический**, что является своего рода *contradictio in adjecto*. В самом деле, С. С. Верховской с одной стороны настаивает на необходимости безоговорочного принятия православной истины, как **целиком** заключающейся в Откровении, с другой стороны, требует **критической** (т. е. «малым разумом» руководимой) проверки наших собственных идей, относящихся к основным положениям этой истины, находимой в одном Православии. По школьному шаблону нам объясняется, что «понять — значит **усвоить**, т. е. объективную истину сделать своей мыслью, прочно вошедшую в целое нашего сознания»*). Получается так, будто сама эта истина не-

*) «Вестник» № 30, стр. 20.

зыблемая и есть объект научного исследования, что противоречит самой сущности православного умозрения. Ведь именно в этом исходном пункте выявляется **первичное** различие между христианским, точнее греческим, Востоком, насквозь «апофатическим» и мистическим, и спекулятивно-рациональным богопознанием латинского Запада*). Как примирить изначальный фидеизм самого Верховского со всей последующей его рассудочной аргументацией и педантичными советами относительно самокритики тех или иных субъективных предположений? При этом не дается никаких точных указаний для такого критического распознавания и все здесь остается смутным и сбивчивым... Да к чему, спрашивается, понадобилась автору вся тяжелая артиллерия, которая, не касаясь вовсе сердцевины **духовного опыта**, явно загоняет нас в тупик. Ведь Верховской прекрасно знает, что христианская истина логически **недоказуема**, а воспринимается интуитивно-благодатно или непосредственно экзистенциально *ab initio*. Только так возможна дальнейшая конструкция догмата, где участвуют все силы уже облагодатствованного «большого» разума. Иначе разве может быть достигнута и сохранена та совокупная цельность сознания, на которую автор справедливо указывает, как на непременное условие органического единства вероисповедания. Вот где невралгический узел всей проблематики духовного познания, как движущего стимула, как нормы и пути. Подобно тому, как «вера без дел мертва», так же бесплодна и бессильна парящая на облаках истина, если она не вливается в живую ткань нашего бытия. Она, как вся Христова правда преображающая и спасающая мир, должна быть жизненно оправдана.

Отвлеченно патетический призыв С. С. Верховского к вселенскому миссионерству никого поэтому вдохновить не может, а в предлагаемой им утрированной форме становится, скажем прямо, покушением на чужую религиозную совесть. Непонятно как умный и тонкий профессор-богослов может столь жестоко ошибаться в методе «обращенства», выдвигая на первый план открытую борьбу с ересями. Нам без малейшего колебания предлагается **всемирный** крестовый поход, долженствующий привести на лоно единоспасающего Православия свыше четырех сот миллионов римских католиков (а их немало и на Востоке!), когда им будут объяснены — доказаны? — их многовековые заблуждения, среди которых все же уцелели кое-какие крупницы православной

*) Весьма показательны в этом смысле и заглавие данное Вл. Лосским его французской книге о Православии, основанной на учении св. Григория Паламы: «Théologie Mystique de l'Eglise d'Orient».

истины! *). Помимо того, что здесь налицо утопия, оторванная от всей исторической и реальной действительности, мы должны с сожалением констатировать, что от прозелитизма автора веет не пламенным духом братской любви и служения истине, а холодным аффектом фанатизма. Трезвости здесь нет и следа. Между тем всякое «обращение» (*conversio*) является внутренним переворотом или поворотом, порой мучительно драматичным, особенно если напор идет извне. К человеческим душам в такой момент подходить надо с бережным участием, с открытым теплым сердцем, а не с одной навязчивой идеей. Необходимо так же помнить, что **ядро** разногласий между христианскими исповеданиями не столько в догматическом их расхождении, сколько в различии **типов духовности**. Духовные же ценности чужой веры надо уметь уважать. Единственным безошибочным мерилom в оценке последних — наличие или отсутствие **подлинной святости**. А кто решится отрицать существование таковой в западном средневековье, где подвизались такие герои духа, как Бернар Клервосский, Франциск Ассизский, Жанна д'Арк, св. Екатерина Сиеннская, а в наше время налицо такие воистину небесные явления и образы, как чудеса Лурда, «маленькая» св. Тереза, юре д-Арс?.. Все эти претворения в жизнь, в полноту христианского благобытия, принадлежат **инославной** Церкви. Смеем ли мы тогда, не принимая той доктринальной почвы, на которой выросли эти цветы святости, нам пусть и чуждой, клеймить их высокомерным презрением? Можем ли мы даже победоносно противопоставить на **всем протяжении** нашей истории, особенно в нынешние дни разрухи и церковных распрей **несравненно большие духовные достижения?** — вопрос, на который можно лишь ответить скорбным молчанием.

Тем не менее, притягательная сила Православия, в незапятнанном соблазнами национализма и мегаломании виде, до того велика, что она воочию влечет к себе все сильнее и сердца и умы, втайне сродные ему. Здесь-то в новой, светлой перспективе и лежит наш священный миссионерский долг. Ибо *ex Oriente lux*. Перед пионерами такого прозелитизма, помимо экуменических сближений, где Православная Церковь еще слишком слабо представлена, открыт другой путь, ничего общего не имеющий с во-

*) Мы энергично протестуем против отождествления «ереси» с моральным злом, и еще более против недопустимого утверждения Верховского, что «спастись» может лишь строго правоверный, ибо это утверждение идет в **полный разрез со всей евангельской вестью**: — судиться христианами, а быть может и не христианами, будут, по собственному слову Спасителя, лишь согласно заповеди той любви, без которой все деяния человеческие «медь звенящая» (I Кор. XIII:1).

инствующим кличем: «долой ересь!», а именно: путь радостного ознакомления «отделившихся братьев» (*frères séparés*), с давно позабытыми сокровищами вселенской Традиции. Раскопки этого клада, далеко не раскрытого и даже для нас, должны вестись отныне на иностранных языках в широком коллективно-соборном размахе*). Само собой, они отнюдь не исключают и бескорыстных личных усилий привлечения к истокам душ алчущих иной пищи чем та, которая им подается дома. На этой ниве, где ждет каждого, верится, обильная жатва, делателей пока недостаточно, но времена и сроки теперь несомненно наступили и в этом смысле великое рассеяние российской Церкви действительно может быть провиденциальным, как сказал сам С. С. Верховской.

М. Лот-Бородина.

О ПРАВОСЛАВИИ, ЕГО ПОЗНАНИИ И ПРОПОВЕДИ

Ответ М. Лот-Бородиной

Возражения М. Лот-Бородиной на мою статью поразили меня тем, что они написаны никем иным, как именно Лот-Бородиной. Хотелось бы думать, что они основаны на недоразумении.

Вопрос о «прозелитизме» становится одним из самых острых в между-вероисповедных отношениях. Самое слово имеет часто резко отрицательный, почти ругательный смысл. С православной точки зрения о «прозелитизме» должно говорить только в смысле обращения к истинной вере тех, кто ее до сих пор не имел.

Вопрос по существу прост: — должно ли обращать к истинной вере и, если должно, то каким образом?

Ответ на первый вопрос зависит от того, принимаем ли мы существование единой Истины и ее жизненную необходимость или мы релятивисты и скептики (истина людям не дана и не слишком нужна). Совершенно очевидно, что Православная Церковь

*) До сих пор, к великому стыду нашему, над ними трудятся в несравненно большей мере молодые католические богословы, создавшие во Франции и Германии, настоящие рассадники восточной патрологии. Назовем в первую голову замечательную коллекцию «*Sources Chrétiennes*». Ed. «*Le Cerf*», где появился уже ряд монографий и в переводе и в оригинальном тексте. Интересна особенно блестящая реабилитация «еретика» Оригена.

исповедует само Православие, как Истину, и считает ее жизненно необходимой для всех людей. Следовательно, проповедь и распространение Православия, как истинной веры, есть священный долг любви каждого православного и всего православного общества в отношении неправославного мира. «Утверди Боже святую православную веру православных христиан». Если исполнение этой молитвы Церкви необходимо для нас, то кто осмелится сказать, что оно излишне для других? **Истина нужна всем.** Проповедь ее есть благодеяние. Борьба с ересями, как искаженными вероучениями, нужна гораздо более, чем борьба против любых других заблуждений: вера касается самого существенного для человека. Проповедь Истины нужна прежде всего для тех, кто ее не имеет или кто ее, хотя бы частично, исказил. Проповедь Истины нельзя отделить от критики заблуждений; мы находим последнюю во всех книгах Нового Завета и в учении Самого Господа. Но критика, конечно, ценна только той правдой, к которой она приводит. М. Лот-Бородина одобряет «путь радостного ознакомления отделившихся братьев с давно позабытыми сокровищами вселенской Традиции». Вселенская Традиция есть Православие. Кем оно позабыто? Еретиками? неверными и невежественными православными? Или самой Православной Церковью?.. Церковь обладает Истиной и призвана Богом проповедовать ее во всем мире. Если Православие есть только «восточное христианство», вера малокультурных народов Восточной Европы, то надо иметь мужество сказать это. Но сказавший это перестает быть православным. Равно тот, кто не верит, что Истина существует в Церкви и необходима всем, пусть открыто исповедует это и перестанет притязать на православность.

Православная Церковь призвана Богом всех привлечь в свое лоно. Но Богом же указан только один путь исполнения этого: — проповедь Истины, обличение заблуждений и всякого зла, любовь ко всем, пример истинной жизни, приобщение таинствам Церкви и ее священному единству. Ненависть к заблуждающимся противна христианству. Отсутствие дел ослабляет силу проповеди, но не делает ее бессмысленной; так учили и Христос и апостолы. Если проповедующий грешник не воспользовался даром Истины, то усвоивший его проповедь может все же воспользоваться этим даром. Тем не менее, «внутренняя миссия» бесспорно нужна нашему церковному обществу никак не менее, чем внешняя. Быть во-истину православными христианами нужно для всех, следовательно и для нас.

Стоя за обращение всех в Православие, мы должны исключать три ложных пути обращения.

Божественность и вселенскость Православия исключает клерикализм или национализм. Мы не ищем, подобно католикам, умножить число подданных какого-либо патриаршего престола. Мы не должны обращать в «греческую» или «русскую» веру. Каждый народ, хотя бы только вчера и только частично обратившийся к Православию, имеет право на канонически самостоятельную церковь и свою особую форму вселенской традиции, лишь бы он был в совершенном единении со всеми православными церквями и совершенно верил Православию.

Преступно обращать к Истине насилем. На словах в этом согласны сейчас почти все христиане, но на деле и в наше время многие церкви рады воспользоваться насилем для своего распространения (напр. в борьбе за или против унии). Это есть чистое зло.

Проповедь Истины несовместима ни с каким обманом или демагогией, хотя бы под прикрытием целесообразности, педагогики, дипломатии и т. п. Различия исповеданий должны быть ясно осознаны и взвешены. Обращающийся к Православию должен ясно сознавать в чем оно отличается от других вероучений. Нельзя обращать, замалчивая различие догматов, прикрываясь тождеством обряда и заманивая земными благами (порядком, культурой, социальными и материальными преимуществами); так часто делают католики. Нельзя привлекать **одной только** внешней красотой богослужений, яркостью и эмоциональной насыщенностью обычаев, обрядов или каких-либо памятников православной культуры. Нельзя, подобно сектантам, обещать вечное спасение за один только факт перехода в Православие.

М. Лот-Бородина обвиняет меня в «отвлеченной патетичности», немогущей никого вдохновить, в «покушении на чужую совесть», «холодном аффекте фанатизма», «навязчивой идее» и т. д... Все это за мою веру во вселенскую миссию Православия. Предпочитаю принять поношения М. Лот-Бородиной, чем отречься от веры Господа, апостолов и отцов церкви, которые единодушно призывали христиан к утверждению Истины даже до края земли.

Далее М. Лот-Бородина стоит по меньшей мере на границе клеветы, когда приписывает мне желание крестового похода против инославных и мнение, что «спастись может лишь строго правоверный». **В моей статье нет ни слова о применении насилия для обращения инославных.** В § 10 прямо сказано мною, что «не все православные спасутся и не все еретики погибнут». Сказанное мною в § 8-11 достаточно ясно для тех, кто дает себе труд быть внимательным. Или М. Лот-Бородина считает ложной мысль, что

«Царствие Божие есть торжество Православия, его совершенное осуществление; в нем не может быть ереси или чего-либо еретического»? (§ 8).

М. Лот-Бородина пишет, что «ядро разногласий между христианскими исповеданиями не столько в догматическом расхождении, сколько в различии типов духовности». С этим невозможно согласиться. Православие может вместить все **положительные** типы христианской духовности. Только догматические различия исключают возможность единства. При отсутствии их (т. е. в случаях расколов) единство большей частью достигается.

М. Лот-Бородина «энергично протестует против отождествления ереси с моральным злом». У меня этого отождествления нет (см. § 9-11 моей статьи), но есть утверждение, что и грех и ересь, будучи злом, отдаляют нас от Царствия Божия. Или ересь не есть зло? Или ересь способствует нашему спасению? Известно, что Церковь склонна утверждать, что вне ее нет спасения, подобно тому, как Новый Завет учит, что не могут спастись тяжкие грешники. Однако, мысль Церкви, надо думать, заключается не в том, что грешники и еретики не могут спастись, но только в том, что грех и ересь, как таковые, прямо противны спасению: спасение возможно несмотря на них, благодаря покаянию и милосердию Божию, благодаря тому добру и истине, которыми мы живем, несмотря на наши грехи и блуждания. Еще раз подчеркну, что трагизм ереси заключается в том, что еретик верит в свою ересь, как в истину и тем укрепляется в своих пагубных заблуждениях.

Все, что М. Лот-Бородина пишет против моих мыслей о познании Православия, очень сбивчиво и, вероятно, основано на недоразумении.

Для полной ясности я могу все мои идеи на эту тему свести к следующему.

Источник Истины Православия в Боге, Который открыл нам ее силою Св. Духа во Христе, через пророков и апостолов, через соборный разум Церкви и через самый космос и человеческую природу, поскольку они не искажены злом.

Высшая форма знания есть непосредственное созерцание Истины, т. е. Самого Бога и созданной Им Церкви и мира.

Однако, до такого созерцания надо возрасти; оно даруется Богом достойным Его. Первая ступень этого восхождения есть знание церковного учения, открытого в Св. Писании и Претии, т. е. прежде всего в здравом церковном богословии.

Восхождение к Истине есть дело не одного только ума, но всей нашей жизни, освященной благодатью. Тем не менее, ду-

ховное и благодатное развитие человека должно быть и развитием нашего ума, что особенно первостепенно для познания.

Богословская наука — во всеоружии положительных разумных методов познания — необходима и законна в Православной Церкви. Назначение ее не в том, чтобы творить Истину, но в том, чтобы целостно и точно изъяснять ее, исходя из всего того знания, которое дано Церкви.

Противопоставление разумного и благодатного, апофатического и катафатического, как взаимно исключających начал, неправильно и прямо абсурдно. Разум и может быть и должен быть благодатен и от того он не перестает быть разумом. Апофатическое богословие только и возможно, что на основе катафатического. Первое обращает преимущественное внимание на отличие Бога от твари и Его запредельность; второе стремится положительно установить все, что мы можем знать о Боге. Чтобы постичь запредельность Бога в отношении твари, надо уже иметь некое положительное знание о Боге и твари. М. Лот-Бородин ставит на место христианства «насквозь апофатический и мистический греческий Восток». Мы говорим о вселенском Православии, а не о Востоке, но недопустимо односторонне стилизовать и греческий Восток. Всякий знающий отеческое и византийское богословие, не может не знать, что великие отцы и учителя Церкви были не только созерцателями Истины, но и изъяснителями ее в разумной и часто научной форме. Нет никакой возможности подвести все Писание и патристику под один только апофатизм. Опасно и ложно стилизовать Православие под нарочитый односторонний апофатизм, мистицизм, эстетизм, литургизм и т. п.

Православие есть полнота и целостность; оно содержит в себе в гармоническом и должном сочетании все дары Божии Церкви и человеку.

Мы не имеем права сводить Православие к Востоку, а самый Восток обрезать по нашим вкусам. Потому мы и не видим нужды во всемирной проповеди Православия, что видим в нем «восточный тип духовности», который слишком многие из нас готовы свести к тому, что им нравится, иной раз едва ли не к «экзотике».

Православие есть Истина, дарованная Церкви Богом. Истинная жизнь возможна только в Истине. Тут нет различия между Востоком и Западом, Севером или Югом. «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой и будете мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. Ап. 1, 2).

С. Верховской.

POST-SCRIPTUM

К сожалению, полемика обычно приводит к еще большему непониманию и расхождению... Поэтому затягивать ее бесполезно. Так как моя статья, и ответ на нее С. С. Верховского выходят в одном номере «Вестника», то читатели могут судить сами о стиле и качестве аргументаций с обеих сторон. Однако, я не могу не возразить по существу несколько слов автору «Православия, его познания и проповеди», обвиняющего меня по меньшей мере в клевете! Совершенно ясно, что выражение «крестовый поход» понимается здесь не как физическое насилие, а как выступление на идейную брань, которую открыто признает г-н Верховской, считая обличения заблуждений в вере священным долгом каждого православного. Мне же оно представляется, при отсутствии братской любви и понимания иных христианских исповеданий — опасным фанатизмом. Кроме того, само по себе голословное утверждение: Православие — это истина, истина — это Православие есть просто тавтология! *) Еще одно: каким образом в нашей строго ортодоксальной духовности принимаются как великие учителя: 1) несторианский епископ Св. Исаак Сирий, 2) псевдо Макарий Великий, автор 12-ти Духовных Бесед, ныне подозреваемый (не без некоторого основания) в мессалианстве и 3) псевдо-Ареопагит (в русском календаре до сих пор он именуется святой Дионисий А-т), вышедший по новейшим исследованиям из монофизитских кругов? Не следует ли ученым блюстителям чистоты истинной веры выяснить самую возможность у нас таковых недоразумений? Увы, полноты христианской истины во всех ее планах — особенно в жизненном — на земле нет, а только меньшее или большее приближение к ней. Посему нам надлежит прежде всего неустанно и смиренно трудиться над осуществлением этой максимальной близости, возвращаясь к истокам Откровения и к вселенской Традиции, слишком часто позабытой.

М. Лот-Бородин.

*) Я вовсе не отождествляю Православие с Востоком, а называю его, напротив, вселенским, хотя не могу отрицать исторического факта: разнородности духовных путей и типов на Западе и Востоке и беру, как единственно решающий критерий их ценности — подлинную святость, ибо «дерево познается по плодам».

Большие икуменические собрания всегда привлекают всеобщее внимание и вызывают ожидания и надежды. С другой стороны, совершенно очевидно, «успех» таких собраний, в очень значительной мере, зависит от их «подготовки». И, в конечном счете, главная и основная работа производится или совершается не на больших съездах. Это не умаляет их значение. Самая встреча представителей разных стран и традиций есть несомненное событие. Однако, не следует забывать, что «встреча» имеет, так сказать, свой предельный «объем», по причинам как техническим, так и психологическим, и за этими пределами она становится неподлинной и не-реальной. «Встретить» на достаточной глубине и с достаточной отзывчивостью и ответственностью несколько сот человек просто никто не может, в особенности вдруг, когда каждый встречаемый есть совсем новый человек. Практически, всегда происходит выбор и отбор, обдуманно или случайно, и здесь многое зависит от подхода и предпосылок (и «предрассудков» тоже). За известными пределами (но личная «емкость» восприимчивости очень разнится в отдельных случаях) начинается своего рода «внушение», смутное чувство «масс», и самовнушение. Оттого так противоречивы бывают обычно впечатления очевидцев. «Впечатления» всегда условны и относительны, и свидетельствуют о получающем их не менее чем о том, от чего и о чем впечатления получаются. Это особенно очевидно в случае больших, «всемирных», собраний и встреч. Цельное и объемлющее впечатление от них вообще превышает вместимость и «емкость» индивидуального восприятия. Не менее важно и то, что подлинный смысл каждого отдельного собрания и «встречи» может быть распознан и вполне воспринят только в исторической перспективе.

Смысл Еванстонской конференции, в частности, может быть определен только в перспективе роста и развития всего так называемого «икуменического движения», и, в особенности, в перспективе развития и сложения «Всемирного Совета Церквей», возникшего в результате скрещения и объединения двух предыдущих икуменических движений, известных под именем: «Вера и церковный строй», и «Жизнь и делание», — *Faith and Order* и *Life and Work*. Вне этой перспективы оценка и даже самое восприятие Еванстонской конференции вряд ли возможно. Наконец, нужно помнить, что по самому замыслу, и по силе формальной «конституции», большие икуменические собрания имеют весьма ограниченную компетенцию и весьма скромную задачу. Никаких «реше-

ний», в собственном смысле слова, они не принимают, и даже не имеют права принимать. Они никогда не идут дальше «обсуждения» и иногда «советов» (рекомендаций). Большие съезды, «Ассамблеи» Всемирного Совета Церквей, обсуждают доклады, представленные подготовительными комиссиями, и обычно их «принимают» (не следует забывать, что английское техническое слово: *receive* резко отличается от более сильного: *accept*, гораздо мягче и неопределеннее, чем соответствующее русское: «принять», — лучше было бы сказать «получают», но это по-русски было бы нескладно), с тем, чтобы препроводить («переслать») их церквам — членам Совета, для их обсуждения и заключения. Иными словами, задача «Ассамблей» в том, чтобы привлечь внимание самих церквей к тем или иным вопросам, с предположительными ответами или даже без них, и вызвать их реакцию, и, вместе с тем, снабдить их достаточным материалом для суждения. Можно даже сказать, что главная задача всего Совета, как такового в том и состоит, чтобы возбуждать и поддерживать внимание отдельных церквей к разнообразным темам и проблемам христианского сознания и действия. Весь процесс, конечно, в значительной мере зависит от характера и «качества» предварительной подготовки, т. е. от выбора и постановки вопросов. Поэтому работа подготовительных комиссий, в известном смысле, важнее, чем большие съезды, но она производится не так открыто и публично, не так «поражает воображение», как грандиозные съезды, и не привлекает к себе внимания «широких кругов». В частности, три «доклада» Совещательной Комиссии на основную тему Еванстонской Конференции («Христос — Надежда мира»), выработанные на трех собраниях (каждый раз от 7 до 10 дней) в три последовательные года, с 1951 по 1953, гораздо значительнее, чем, по неизбежности, торопливое и, в значительной мере, случайное обсуждение последнего из них на самой «Ассамблее». Конечно, обсуждение это имело большую ценность, особенно обсуждение в «секциях», т. е. в сравнительно небольших группах (около 40-50 человек в каждой), и свод критических и дополнительных замечаний, сделанных в этом процессе обсуждения (он будет скоро опубликован), весьма реально обогатит доклад комиссии. Но, очевидно, самое обсуждение было возможно только потому, что определенный «доклад» был вообще представлен, и его характер определил направление «прений», хотя бы это и было, отчасти, от противного. Любопытно, что преобладающее настроение Ассамблеи, по отношению к докладу Совещательной Комиссии, было скорее уклончивое и сдержанное, что, прежде всего, означало признание трудности, или даже невозмож-

ности, в большом и торопящемся собрании, делать какие бы то ни было разработанные «заявления» на темы исключительной важности, сложности, и глубины. Даже «рекомендация» доклада Комиссии для обсуждения в церквях была сделана в выражениях очень осторожных и общих. Одно время даже казалось вероятным, что Ассамблея даже вовсе воздержится от всякой «рекомендации». Однако, и в этом случае, доклад Комиссии, и именно он (ибо ничего другого в руках Ассамблеи не было), был бы «сообщен» церквям для обсуждения и на заключение. Иными словами, не то — самое важное, что, так сказать, бросается в глаза и поражает воображение, а часто именно не так заметная, но настойчивая и длительная работа небольших групп и даже отдельных деятелей. Вот почему было бы неправильно и опасно основывать на «впечатлениях» от Еванстонского съезда, как такового, и в особенности на впечатлениях сторонних наблюдателей и случайных посетителей (включая, может быть, прежде всего представителей прессы), общее суждение и заключение о характере и возможностях той икуменической работы, которая ведется Всемирным Советом Церквей. Напротив, самые «впечатления» нуждаются в спокойной проверке, через более широкое ознакомление с икуменической работой в ее полном объеме, и в перспективе ее развития за последние десятилетия, и через объективное и беспристрастное изучение самих икуменических тем и вопросов, по существу.

Основная тема Еванстонского съезда, и его *motto*, была о христианской надежде: **Христос — надежда мира**. Обсуждение темы в значительной мере было предопределено докладом комиссии. Пересказывать его невозможно (он легко доступен в печатном виде, на трех языках). Нет возможности рассказать в подробностях и его пред-историю: ее можно проследить, сопоставляя три последовательных доклада комиссии. Достаточно подчеркнуть, в чем в сущности состояла основная трудность, и главный пункт разногласия, достаточно очевидного и внутри самой комиссии. С самого начала работ комиссии стало ясно, что тема о Христианской Надежде есть по существу тема **эсхатологическая**, т. е. относится, так или иначе, к последнему и окончательному упованию христиан, к тому окончательному «чаю», которым завершается и заключается вселенский Символ веры. Для многих членов комиссии такая постановка, или «ориентация» темы была не только неожиданной, но и вовсе неприемлемой. Такая же реакция последовала и в более широких икуменических кругах. Казалось странным связывать надежду со Страшным Судом и Вторым Пришествием, — об этих членах веры как-то давно стало необычно говорить; нет ли в таком «эсхатологическом ударе» нездоровой

экзальтации? и можно ли «Второе Пришествие» понимать буквально? В этой реакции смешивались разнообразные мотивы: еще не изжитый до конца богословский «либерализм», с одной стороны; своего рода «плетизм», с его ударением на индивидуальной судьбе человека, решение которой мыслится независимо от «судьбы» и «смысла истории». К этому присоединялся, впрочем, и более убедительный богословский мотив: не связана ли христианская надежда прежде всего с Первым Пришествием, больше чем со «Вторым», т. е. с уже совершившимся Спасением мира, и с тем его обновлением, которое продолжает совершаться в Церкви, со времени Воскресения и Сошествия Святого Духа. Не следует ли прежде всего смотреть назад, к Евангельской истории, более чем вперед? Однако, не обращена ли надежда, по самой природе своей, именно вперед? Во всяком случае, «эсхатологическая ориентация», которая, несмотря на настойчивые возражения значительного меньшинства комиссии была ясно выражена в первом «докладе» этой Совещательной Комиссии, не была в действительности такой односторонней и исключительной, как то часто утверждалось. Перспектива не была нарушена, и будущее истолковывалось в свете прошедшего, т. е. «совершившегося». Однако, под давлением критической реакции в разных кругах, во втором «докладе» Комиссии «эсхатологический» упор был окончательно смягчен, и «практическая» сторона вопроса получила большее развитие. Еще сильнее это сказалось в окончательном «третьем» докладе. Тем не менее, как-то стало очевидно при обсуждении этого доклада в Еванстоне, и в этой смягченной, или скорее «рассеянной» форме, для многих доклад комиссии показался чрезмерно «эсхатологическим». Это недоверие к эсхатологической ориентации не имело конфессионального характера. В разногласии об эсхатологии сказывалось скорее различие богословских замыслов и темпераментов, с которым можно встретиться почти что во всех христианских традициях.

«Декларация» православных делегатов в Еванстоне справедливо подчеркивала неполноту представленного Совещательной Комиссией доклада, который, впрочем, по существу дела, на полноту и «совершенство» (законченность), конечно, и не притязал. Благодатная реальность Церкви в особенности была подчеркнута в православной декларации. Нужно надеяться, что богословское обсуждение темы о Христианской Надежде будет продолжаться и после Еванстона, в широкой икуменической постановке, и православные богословы, в частности, найдут случай выразить свою точку зрения более полно. В этом отношении заслуживает внимания попытка группы римско-католических богословов выска-

заться на Еванстонскую тему: весьма замечательный меморандум римско-католических богословов «Христос, Церковь и Благодать в икономии Христианской Надежды» был опубликован (по-французски и по-английски), как раз накануне Еванстона, в журнале «Истина», издаваемом Доминиканским центром в Париже (1954, № 2). Действительный изъян доклада Совещательной Комиссии состоял, однако, не в преувеличенном внимании к «эсхатологии», а в недостаточном внимании к христианской проблематике истории, почему и самый эсхатологический упор оказывался неубедительным и недостаточно реалистическим. Это в особенности сказывалось в критической части доклада при обсуждении «ложных надежд», и больше всего коммунизма. Убедительной «эсхатология» становится как раз в качестве христианского осмысления и истолкования истории. Все «ложные надежды» всегда основаны на **утопическом** истолковании истории, и в настоящем, и в будущем. Главный изъян Еванстонского доклада был именно в том, что **тема утопизма**, в сущности, не была вовсе затронута, или даже обойдена. Но и в критике доклада эта тема не была восстановлена. Наблюдателя, осведомленного с обсуждением этой темы в недавней религиозно-философской и философской литературе, особенно русской, этот изъян не мог не удивить, и не огорчить, и при дальнейшем углублении в тему не может не открыться, что и более основные богословские темы оказываются с нею неразрывно связанными. Философское острие «эсхатологизма» состоит, очевидно, в твердом убеждении в «конце истории», в том, что история окончится, и закончится неким вселенским «подведением итогов», на пороге «жизни будущего века». Важно, однако, понять, что «конечность» истории отнюдь не означает просто «ничтожества» или «обреченности» всего «исторического», а, напротив, напоминает об ответственной значительности всего в истории совершающегося, как подлежащего «окончательному» (в строжайшем смысле) суду, — и этот «суд» включает в себя, как отрицательный аспект «отвержения» («осуждения»), так и положительный аспект «рекапитуляции» и преобразования. Только в такой перспективе эсхатологической философии истории тема Христианской Надежды может быть верно поставлена и ее обсуждение привести к убедительным заключениям практического характера, в частности, к убедительной критике всех современных форм соблазняющего «Утопизма». Недостаточное внимание к проблемам христианской историософии было главным изъяном всего обсуждения Христианской Надежды и в подготовительных комиссиях, и в богословской литературе последних лет, и на самой «Ассамблее» в Еванстоне. Необходимо понять самую исто-

рию, как **христианский процесс**. Единственность и «окончателность» Воплощения, Пришествия Сына Божия в мир, конечно, есть **основная предпосылка христианской эсхатологии**. Однако, эта «окончателность» открывает нечто новое, «Новый Эон», и в этом его смысл и значение. Начинается «жизнь во Христе» и «жизнь в Духе», и эта жизнь, по природе своей, корпоративна, — есть Церковь. Бытие Церкви в мире есть снова процесс, и процесс телеологический, т. е. существенно обращенный и внутренне направленный к новому, и уже совершенно «окончательному» пределу, «и жизни будущего века», за который благоговейное воображение христианского богослова проникнуть не может. Однако, без внимания к этому пределу, т. е. к «окончательному» в строжайшем смысле слова («та эсхата»), правильная и уравновешенная ориентировка в тематике христианской надежды (и ответственности) вряд ли возможна.

Шесть «дополнительных» тем были предложены вниманию Еванстонского съезда, и по каждой представлен обстоятельный «фактический обзор» (все шесть «обзоров» были опубликованы за некоторое время перед съездом) и проект «декларации». Выбор тем определился как их идеологической важностью, так и их жизненной остротой: тема «Евангелизации» мира, проблема общества в христианской перспективе (замысел «ответственного общества»), «трения» внутреннего и внешнего характера (проблема расы, классовая борьба, международные конфликты), проблема «христианского призвания» (т. е. проблема «мирянина»), и т. д. Только одна из «вспомогательных» тем имела чисто богословский характер, тема предложенная «Комиссией о Вере и Церковном строе», в связи с работами Всемирной Конференции в Лунде, в 1952 году. Тема затрагивала самое существо «икуменической проблемы», или, лучше, икуменического парадокса: «Наше единство во Христе и наше церковное разделение». Самая формулировка может вызвать сомнения, и, может быть, тема была нарочито формулирована двусмысленно. Возможно ли **действительное** единение «во Христе» без подлинного единения в Его Церкви? Как раз по этому вопросу вскрывается **коренное** разногласие и расхождение между отдельными «церквями», участвующими во Всемирном Совете. Двусмысленность обостряется двухзначностью в употреблении термина «Церковь». По существу, Церковь Христова одна и едина, и многих «церквей», в этом смысле просто быть не может. Что же такое существующие и множественные «церкви» (или «исповедания»)? Ответ может быть двойкий: все они в совокупности образуют единую («невидимую») Церковь, — и это есть, в различной фразировке, ответ «протестантов»; или,

и это есть православный ответ (формально аналогический ответу Рима), среди исторических (существующих) «исповеданий» есть только одна, которая и есть истинная Церковь Христова, и все остальные суть только «расколы», в разной мере удалившиеся от Церковной полноты, но ни в каком смысле не «части», и не «члены» Единой Церкви.

Православная делегация в Еванстоне, открыто и единодушно, выразила эту последнюю точку зрения в своей особой «декларации» на тему. К сожалению, отдельные православные нередко склоняются, в той или другой форме, к «протестантскому» толкованию, что создает известное смущение в икуменической среде. В Еванстоне, впрочем, не было никакого разногласия между православными участниками. Проект комиссионного доклада на эту тему о христианском единстве/разделенности был готов еще год назад и при обсуждении его в деловом комитете «Веры и Церковного строя» разногласия вскрылись с полной очевидностью. Достигнуть «соглашения», очевидно, было невозможно. Несмотря на редакционную переработку, «доклад» представленный в Еванстоне был не приемлем для православных, и от имени всех православных делегатов было сделано, в общем собрании, отдельное заявление, прочитанное греческим Архиепископом Михаилом. Конкретно, разногласие в Еванстоне касалось следующего вопроса. Новозаветное учение о Церкви было развито в комиссионном докладе (в особенности, в его первоначальной и «обширной» редакции) вполне объективно и для православных, в общем, приемлемо. Но в дальнейшем ходе рассуждения истолковано оно было в «протестантском» смысле, т. е. в перспективе «невидимого» (т. е. не выраженного исторически) единства. На эту «двусмысленность» доклада внимание было обращено с самого начала в одной из вступительных речей в пленарном собрании Ассамблеи, когда комиссионный доклад был официально «представлен» конференции. Для этого «представления» были избраны три члена комиссии, чтобы все точки зрения были ясно выражены: Епископ Андерс Нюгрен (лютеранская церковь Швеции), профессор Девадатт (председатель Баптистского объединения в Индии), и пишущий эти строки. С православной точки зрения, с одной стороны, существующее «единство во Христе», между разногласящими «исповеданиями», не может быть признано достаточным и подлинным, — подлинное единство требует действительного «единомыслия» и «единодушия», которого, очевидно, еще (по крайней мере) нет, а не только «согласия» в некоем минимуме (как бы существен этот «минимум» ни был); а, с другой стороны, самое «строение» Церкви (сакраментальное и иерархическое) при-

надлежит к составу «единства», и потому, с православной точки зрения «исповедания», потерявшие «апостольское преемство» или веру в сакраментальный характер священства, не могут быть рассматриваемы как «церкви». Иными словами, с православной точки зрения, «христианский мир» действительно **разделен** (и раскол), и простое «согласие» в пределах очерченных «базисом» Всемирного Совета Церквей (исповедание Христа как Бога и Спасителя), как бы глубоко оно ни было, этого раскола не исцеляет. Задача же христианского единения, как его понимает современное икуменическое движение (во всяком случае, в пределах Всемирного Совета), в том и заключается, чтобы «восстановить» **видимое** единство, т. е. как настойчиво повторяют «протестанты», установить «интер-коммунион», или общение в таинствах, — иными словами **видимо** и **открыто** «явить» скрытое («невидимое») единство Церкви. С православной же точки зрения, это просто невозможно: нельзя «вы-явить» того, чего нет. «Единство Церкви» настолько делимо совмещает момент «видимый» и «невидимый», что раскол «на исторической поверхности» в действительности как раз и выявляет раскол в самой глубине. Во всем этом, в сущности, было мало нового. «Наше самое большое различие» было открыто признано в официальном докладе, одобренном на Амстердамской Ассамблее 1948 года. «Кафолическая» и «протестантская» концепции противостоят друг другу непримиримо. Обсуждение всей темы, сперва в секции, затем на общем собрании, не открыло никаких путей, ни для согласия, ни даже для того, чтобы «обойти» разногласие. Опять таки, в этом не было ничего неожиданного. Спрашивается, однако, есть ли смысл продолжать обсуждение, если очевидно, что согласия достичь невозможно, а «соглашение» или «сговор» морально неприемлемы? В ответ нужно сказать, что, при всех трудностях «икуменический разговор» никак не бесплоден, и самая острота разногласия заставляет каждого с большей серьезностью и ответственностью задумываться о его природе и причинах. В контексте «икуменических встреч», прежде всего, «формализм» становится окончательно невозможен. Неизбежно становится рассуждать «по существу». Не все пути еще испробованы. «Икуменический разговор» еще только начинается. В этом убеждении, конференция в Лунде одобрила создание особой богословской комиссии для систематического изучения темы: Христос и Церковь (с уделением достаточного внимания и учению о Духе Святом). Эта комиссия разделяется на две секции: в Европе (председатель: епископ Нюгрен) и в Америке (председатель: профессор Р. Калчун). Европейская секция еще не собралась. Американская секция собралась, как раз перед Еван-

стонским съездом, на 10 дней, и отдельные члены Европейской секции приняли участие в этом собрании. Обмен мнений показал возможность дальнейшей совместной работы. Обширная программа занятий намечена, в которую входит и углубленное изучение и освоение древне-церковной и святоотеческой традиции. Новое собрание секции намечено на будущее лето. «Соединения Церквей» от этого богословского разговора ожидать не приходится, и не следует, но расширения икуменического горизонта и углубления опыта ожидать можно и нужно. Кроме того, не без влияния отрезвляющих впечатлений от Еванстонских разногласий, Комиссия о «Вере и Церковном строе», немедленно после Ассамблеи приняла решение образовать еще одну богословскую комиссию о «Предании и наших традициях». Предложение было сделано еще в Лунде (профессором Альбертом Аутлером и пишущим эти строки, независимо друг от друга) и тогда не показалось практичным. Таково же было настроение «делового комитета» в прошлом году. В этом году предложение было принято с известным подъемом. Новая комиссия тоже разделена на две секции. Европейскую возглавляет профессор Скюдсгор (Копенгаген), Американскую профессор Аутлер (Даллас, Техас). Американская секция встретится в первый раз на Рождественских каникулах в Нью-Йорке. Таким образом, тема Церковного Предания открыта и почти официально поставлена на программу икуменического движения и диалога.

Православная группа в Еванстоне была многочисленна, хотя только немногие автокефальные Церкви были представлены: Вселенский патриархат, патриархат Антиохийский, церковь Элладская, Русская Митрополия в Америке, Румынский «епископат» в Соединенных Штатах и Канаде. Патриархат Александрийский и Церковь Кипрская не имели особых представителей. В качестве «наблюдателей» присутствовали представители Болгарской епархии в Америке и Русского Заграничного Синода. Православная группа не раз собиралась для обмена мнений и впечатлений. Первенствовал старейший из присутствовавших иерархов, Геннадий, Митрополит Илиопольский, но руководящая роль принадлежала Архиепископу Михаилу, Экзарху Великой Церкви в Америке. Участие православных в занятиях съезда было значительным. Православные декларации были составлены особой редакционной комиссией, в составе: профессоров И. Н. Кармириса (Афины), с. Христостома Константинидиса (Халки), под председательством автора настоящего обзора, и затем одобрены всеми делегатами. Публичные речи православных делегатов привлекли общее внимание: речь Доктора Малика, Ливанского посланника в Соединенных

Штатах, представлявшего Антиохийский Патриархат, и в особенности речь Архиепископа Михаила. Доктор Чарльз Малик, известный своими выступлениями в «Объединенных Нациях», начал свою речь торжественным исповеданием Православной веры и закончил весьма удачной пространной цитатой из Иоанна Златоуста, когда он был еще пресвитером Церкви Антиохийской. Говорил Малик о современном положении в Азии и Африке. В общем, присутствие православных на съезде весьма было заметно. Можно думать, что Еванстон облегчил дальнейшее участие православных в икуменической работе вообще и во Всемирном Совете Церквей, в частности. Еще важнее, чем активное присутствие на общем съезде, окажется более широкое и постоянное участие православных представителей в работе подготовительных комиссий. Их состав еще не определился, за исключением постоянной Комиссии о Вере и Церковном строе. Было бы желательно также, чтобы обсуждению икуменической темы, в ее полном объеме, и всех текущих вопросов икуменической работы, уделялось больше внимания в православной печати.

Общий вопрос об участии православных в икуменической работе вообще, и, в частности, в многообразной деятельности Всемирного Совета, решается скорее действием, чем рассуждением. Православные убеждаются **на опыте** в целесообразности своего участия в икуменической работе, в особенности, когда они говорят, а не только слушают. Задача православных «икуменистов» состоит **в свидетельстве** о полноте истины, хранящейся и живущей в Церкви. Мы живем в период несомненного религиозного подъема и богословского возрождения на Западе. Происходит пересмотр многих воззрений, серьезная «переоценка ценностей», во многих углах Протестантского мира. «Свидетельство» православных может в значительной мере определить направление и ритм этого процесса, и Православное «свидетельство» встречается обычно со вниманием и часто с большой отзывчивостью. Об этом говорит красноречиво нарастающий интерес к Православной Церкви и ее учению в разнообразных кругах, начиная интересом к Православной современности и достигая обретения забытых ценностей святоотеческого богословия и духовного опыта Восточной Церкви. В такую эпоху православные не могут оставаться равнодушными зрителями со стороны. Именно в силу того, что Православная Церковь есть единая Церковь Христова и потому несет на себе полную ответственность за свидетельство истины в мире (и Православные должны отдавать себе в этом полный отчет), «весь мир — их приход». Не таково ли было самочувствие первохристианских проповедников, и всех сонмов благовестни-

ков Святой Веры? И не будет ли такое свидетельство самым убедительным проявлением христианской любви? Любви в Истине, и через Истину, т. е. во Христе...

Протоиерей Георгий Флоровский.

Нью-Йорк, Ноябрь 1954 г.

СИМВОЛИКА В АРХИТЕКТУРЕ И УБРАНСТВЕ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ХРАМОВ

Соборы и церкви, как восточного, так и латинского обрядов — не просто утилитарные сооружения, предназначенные для совершения культа; сами их архитектурные формы и убранство символически содержат сокровенный смысл не сразу открывающийся неосведомленному человеку и требующий разъяснения.

На Западе архитектурная символика вполне вырабатывается сравнительно поздно, начиная с XII-го в. Древне-христианский и романский храмы в своем плане произошли от римской базилики и представляют собой вытянутый прямоугольник, разделенный колоннами или столбами на три или пять нефов, заканчивающихся полукруглыми апсидами. Иногда в больших базиликах, как напр., в старом св. Петре в Риме, продольные нефы перерезаются на некотором расстоянии от апсид нефом поперечным или трансцептом. Длина трансцепта, однако, в раннее время лишь мало превосходит ширину взятых вместе продольных нефов, так что его наружные стены незначительно выступают за очертания прямоугольника базилики. Впоследствии удлинение трансцепта привело к развитию символического смысла западного церковного здания, в особенности, в транзальпийской Европе.

Искони и во всяком случае храм символизирует корабль, недаром его внутреннее пространство называется нефом (от *navis* корабль), корабль вселенской церкви, кормчим которого является наместник Христа, апостол Петр и его преемники папы. Дальнейшее развитие символического смысла принадлежит эпохе готики.

Готический стиль, зародившийся во Франции в XII в. и отсюда распространившийся по всей Европе, вырабатывает сложную строительную систему, в основе которой лежат крестовый свод и стрельчатая арка. Формы романских построек были массивны, приземисты, тяготели к земле, готика стремится ввысь и как бы

выражает порыв души к небу. В то же время она растворяет материю: наружная стена храма прорезается огромными окнами, светящимися многоцветными узорами своих витражей. Здание одевается в каменное кружево.

Трансцепт, начавший уже в романскую эпоху удлиняться, придает плану ярко выраженную форму креста. Вместо трех или пяти апсид в конце каждого нефа появляется одна большая апсида во всю ширину здания, в которой нефы продолжают следуя ее изгибу, но она украшена венком меньших капелл. Иногда так называемый хор, т. е. восточная часть здания, лежащая по ту сторону трансцепта и служащая алтарным пространством, слегка склоняется в сторону. План храма становится символом тела распятого Господа. Хор изображает склоненную, или несклоненную голову Христа, маленькие капеллы вокруг апсиды — терновый венец, выступающие части трансцепта — руки, а двери в их северном и южном концах — раны рук, также как западные двери боковых продольных нефов — раны ног. (Впрочем, в латинских церквях не всегда соблюдается ориентировка на восток, но инвертировка все же является исключением).

Знаменательно, что средневековое католичество положило представление о распятии в основу своего храма. Из всех элементов вероучения страсти Господни сильнее всего овладели воображением западного христианина этой эпохи, что нашло напр. чудесное поэтическое выражение в песнопении *Stabat Mater*, написанном в XIII в. францисканским монахом *Jacopone da Todi*. В противоположность восточной церкви культ креста преобладает над радостью воскресения.

Не только готические, но уже и романские соборы и церкви богато украшены скульптурами, как рельефами, так и статуями. Все эти пластические изображения имеют либо исторический, либо символический смысл. Поскольку они представляют сцены из Ветхого и Нового Заветов или труды земледельцев или ремесленников по месяцам года, или еще науки и искусства, они служат как бы энциклопедией тогдашних знаний, доступной неграмотным. Это «*biblia pauperum*», библия убогих, из которой нищие духом могли черпать познания, как о священной истории, так и о современной им жизни.

Сложнее становится вопрос, когда мы встречаем изображения чисто символические. Их всегдашней темой служит основная тема всего христианства: грех и спасение через искупительную жертву Христа.

Понятие греха унаследовано христианством от еврейства. В греко-римской античности оно разработано очень мало. Там пре-

обладает понятие преступления против человека, общества, государства, государственных богов. Сократа судят не за «грех», а за преступление в отношении государственных богов. Во всяком случае, совершенно отсутствует представление о том, что человек постоянно окружен соблазном впасть в грех, что его природа, как таковая, греховна, что грех ему ежечасно нашептывается дьяволом.

В еврействе идея греха нашла яркое литературное выражение в псалтыре и эта-то книга дала средневековому искусству богатый материал для претворения в зрительные формы основной мысли христианского учения.

Иллюстратор церковных книг, украшая миниатюрами рукопись псалтыря выхватывал из текста какую-нибудь отдельную фразу и на ней основывал свое изображение, напр.: «Спаси меня от ласти льва и от рогов единорогов» (Пс. XXI:22). Этот текст дает художнику повод изобразить грех под видом льва или единорога. «Яд у них (у нечестивых), как яд змеи, как глухого аспида, который затыкает уши свои и не слышит голоса заклинателя, самого искусного в заклинаниях» (Пс. LVII: 5-6). Художник пишет змею и аспида затыкающего уши и перед ним заклинателя. «Лесной вепрь подрывает ее (виноградную лозу) и полевой зверь (в латинском тексте: «*fetus singularis*») объедает ее» (Пс. LXXIX: 14). Художник рисует вепря и фантастическое чудовище, подрывающих корни виноградной лозы. «На аспида и василиска наступишь; попирашь будешь льва и дракона» (Пс. XC: 13). Иллюстрацией служит Христос стоящий на этих четырех чудовищах. «Ибо вот, нечестивые натянули лук, стрелу свою приложили к тетиве, чтобы во тьме стрелять в правых сердцем» (Пс. X;2). Изображен стрелок, или сарацин, или, наконец, Кентавр, стреляющие из лука.

Таких примеров можно привести еще больше. Вообще же, надо сказать, что дикие животные и всякие фантастические чудовища всегда служат олицетворением греха или дьявола. Исключением иногда бывает лев, который, всегда означая силу, в некоторых случаях представляет силу духовную и даже самого Христа. Христос — лев непобедимый (*invictus leo*) — иногда появляется в виде льва с нимбом вокруг головы.

Как следовало изображать фантастических животных, художник находил в мистической литературе своего времени. Напр. Альберт Великий в своей книге «*De animalibus*» говорит, что василиск подобен петуху, но имеет длинный хвост змеи.

Однако, не только грех, также и праведник находит свое изображение в иллюстрациях псалтыря:

«Праведник цветет как пальма, возвышается подобно кедру на Ливане» (Пс. XC1: 13). «Душа наша избавилась как птица из сети ловящих» (Пс. CXXI11 :7). «Истомилась душа моя, желая во дворы Господни... И птичка находит себе жилье, и ласточка гнездо себе...» (Пс. CXXI11 :3-4). Пальма становится символом праведника, птицы символом праведных душ.

Из книжных иллюстраций эти мотивы почти без изменения были переняты в пластику, украшающую церковные здания. Эти изображения находятся как снаружи, так и внутри храма. Снаружи они главным образом сосредоточиваются вокруг входных дверей, как главной, западной, так и боковых, северной и южной. Портал составляет границу между внешним миром и церковью. Поэтому символическое содержание скульптур может быть двойным, в зависимости от того, олицетворяют ли они внешний мир или церковь. Либо Христос и спасение возможное только в лоне церкви, либо ужас греха, царящего снаружи и козни дьявола.

В первом случае мы видим Христа во славе, окруженного символами евангелистов, либо Его же, нисходящего во ад или попирающего льва и дракона. Иногда Христос заменен св. Георгием, поражающим змия, или Самсоном раздирающим пасть льву, или же Его символами: лозой или рыбой.

Во втором случае львы или чудовища, как аспид, василиск, единорог, олицетворяют грех.

Вот в общих чертах символика западного храма. Совсем иное встречаем мы на востоке. Там уже самая вытянутая базиликальная форма является исключением; преобладает центрально-купольный план, т. е. куб с большим куполом по середине и, на больших зданиях, четырьмя меньшими куполами по углам. Внутренность такого храма изображает собою вселенную, космос; алтарь представляет рай, царские врата зовутся также райскими. В противоположность алтарю — запад церкви — царство мрака, скорби, смерти, жилище усопших, ожидающих судного дня. Епископ перед началом литургии, шествуя от престола на середину храма на амвон, где происходит облачение, напоминает нисхождение Сына Божия на землю и Его воплощение. Направляясь затем к западным дверям он знаменует жизнь Христа на земле, Его смерть и сошествие во ад. На западной стене искони пишется изображение Страшного Суда.

Пространство между алтарем и западной стеной означает землю; в этом представлении она четырехугольна и четыре стороны храма являются странами света. Над землей в центральном куполе парит Вседержитель. Различные росписи или мозаики стен и столбов изображают отдельные фазы развития земного мира:

праотцы напоминают об обещании пришествия Спасителя; пророки представляют Ветхий Завет, главнейшие события евангельской истории, деяний апостольских и вселенские соборы — Новый Завет, отдельные образы апостолов, епископов, мучеников, подвижников и т. д. — столпы церкви Христовой на земле.

Таким образом восточный храм служит символическим изображением вселенной и ее развития в понимании церкви, что согласуется и с внутренним смыслом православного богослужения, ежедневный цикл которого начинается в повечерии воспоминанием о блаженной жизни прародителей в раю и заканчивается в литургии вознесением Христовым.

Проф. Гр. В. П. Зубов.

ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ИСКУССТВА

Богослужение совершается по нужде в самом убогом помещении и даже без оногo; утварь и иконы при этом могут быть самыми простыми и бедными, но все это допустимо лишь по нужде, а не потому, что это по существу никакого значения не имеет. Наоборот, при нормальных условиях на это должно быть обращено самое тщательное внимание.

Все те свойства, которыми Господь оделил природу человека и которые мы обозначаем выражением — художественный талант — должны быть привлечены на службу молитве и деятельности таланта — искусство — своим применением в богослужении возводится на высшую ступень — оно становится литургическим искусством.

Для большинства православных христиан — это утверждение вероятно покажется бесспорным. Но конкретное приложение этого правила, в частности у нас, у русских, начиная с 17-го века, не является однообразным. Первый раз, когда нашим предкам было дано высказаться по поводу литургического значения священного искусства, случилось 11 веков тому назад. Произошло это когда послы князя Владимира, посланные им для искания лучшей веры у соседей, вошли в храм Свят. Софии Премудрости Божией в Константинополе во время богослужения — вошли и не знали на земле ли они или на небе. С тех пор в течение 8-ми веков русское церковное искусство как умело, но искало неба.

Лишь в 17-м веке под влиянием и по примеру Запада его по-

тянуло на землю. Тяготение меньшинства к древним иконам обзывалось раскольничьим суеверием.

Этого мало — в дальнейшем такое настроение развивалось; как пример укажем на следующий акт, который некоторым из нас покажется чудовищным.

В начале 19-го века генерал граф Аракчеев заказал художнику итальянцу икону Божьей Матери, приказав придать ее лику черты убитой дворовыми его сожительницы Настасьи Минкиной. Сам же граф наверное был бы удивлен, если бы ему сказали, что его заказ — кощунство. Аракчеев вероятно возразил бы, что его заказ явление вполне нормальное с точки зрения просвещенного Запада (Рафаель) и что он может быть осужден только русским невежеством.

Второе положение, где христиане в принципе сходятся, а в применении этого принципа расходятся — это утверждение, что расход на священное искусство есть один из самых важнейших в пределах материальной возможности каждого прихода. Так обстоит дело в теории, не так на практике. Приводим пример из современной церковной парижской жизни: подобных ему, к сожалению, можно собрать множество.

Всеношная под Дванадесятый Праздник: на аналой кладется икона для поклонения Празднику; к иконе прикладываются — важное литургическое действие. Что же лежит на аналое? Печатная бумажка и даже очень посредственная. На замечание одного из прихожан, что это непристойно и что он прикладываться не будет, ему возражают, что бумажка освящена, она икона не хуже всякой другой, даже если б последняя была написана знаменитым иконописцем, а производить расход на настоящую икону вместо дешевой бумажки приход пока не в состоянии, как видите, у нас есть неотложные расходы — разорванный церковный ковер до сих пор не починен.

Да будет позволено не согласиться с этим мнением. Освящение не есть магическое действие, превращающее печатную бумажку, продукт машинного производства в икону. «По нужде, предложение закона есть», но если нет настоящей нужды, а лишь отсутствие усердия и понимания литургического действия, невежество и скупость, то возможно, что «предложение Закона» не совершается, литургическое действие не совершается, поклонение празднику отсутствует, небрежные прихожане целуют не икону, а бумажку. Все это, конечно, определенно утверждать мы не дерзаем, но в наказание за небрежность все это может совершиться. Даже такое великое таинство, как Причащение, вместо Спасения

может стать в «суд и осуждение». Чтобы этого не случилось, мы об этом молимся всякий раз, когда причащаемся.

Возвратимся к итальянской Мадонне графа Аракчеева с чертами Настасьи Минкиной. Конечно, по приказу Аракчеева она была освящена. Стала ли она от этого иконой? Грехом и соблазном для современников она без сомнения была.

Великую ответственность несут не только иконописцы, но и заказчики икон: и те и другие младшие прислужники богослужения. Богослужбная книга молчит пока не началась служба. Святая икона постоянно проявляет литургическое действие.

Великий грех берут на душу те деятели священного искусства, когда захотят мудрить, высказываться, вводить оригинальное — это все равно как будто кто-либо захотел изменить богослужебные тексты и совершенствовать литургику, не усовершенствовав лично себя, а когда улучшат себя, то видят, что улучшать литургику не нужно. А что исполнение ее нуждается в улучшении, об этом нужно думать и без конца молиться, чтобы лучше служить священному искусству. Но как?

Исчерпывающий материал для решения этого вопроса дает сравнение истории литургики с историей священного искусства. Большею частью литургики была составлена в течение первых 9 веков нашей эры. Заключительным актом этого первого основного литургического периода можно считать 2-ой Собор против иконоборчества, бывший в 842 году и установление Недели Православия. Изучение этого периода с несомненной ясностью позволяет установить взаимную зависимость священного искусства и литургики. Иногда литургики ведет, командует; это не общие соображения и фразы, а рядом примеров можно установить, как то или другое песнопение входит в богослужение, а затем появляется соответствующая икона, а иногда происходит и обратное.

Мы говорили о первом литургическом периоде жизни церкви — это не значит, что с тех пор литургическое творчество умерло, оно живет и продолжает жить. Как пример можно указать на 12-й век, когда Студийский Устав в константинопольской церкви был заменен Иерусалимским и что замечательно, что в это самое время религиозное искусство в Византии засияло особенным светом. Западная наука обозначает этот период Комненским Ренессансом. Через два века происходит нечто подобное: оживление литургического творчества в конце XIV века. Теперь оно связано с именем св. Григория Паламы, и, конечно, не случайно, что в это время опять зажглось священное искусство в Византии (Палеологический Ренессанс по терминологии западной науки).

В организации византийской литургической жизни той эпохи следует отметить участие Константинопольского Патриарха Филофея, большого почитателя Св. Григория Паламы.

При патриархе Филофее (1364-1370) Св. Григорий был канонизован в 1368 году.

В России влияние Патриарха Филофея отразилось через посредство его ученика Св. Киприана, бывшего Митрополитом в Киеве и Москве с конца XIV и до начала XV века.

И опять не случайность, что литургическое оживление в Москве совпало с особенным расцветом иконописания в России, — эта эпоха была замечательна — имя Андрея Рублева озарило эту эру особенным блеском.

Все вышесказанное позволяет нам теперь ответить на поставленный выше вопрос: как служить священному искусству? Как производить выборы образцов для писания икон?

Его нужно производить руководствуясь древними прославленными иконами — это не означает, что должен быть составлен какой-то кодекс правил. В таком кодексе всегда кое-что пересказано или недосказано. Дело не в стиле икон, а в духе. Стиль меняется, а дух священных изображений таков и теперь в XX веке, каким он был и в I веке.

Поэтому и сейчас на вопрос как писать иконы, нужно дать тот же ответ, какой был дан Московской Церковью в XVI веке: пишите так, как писали «пресловутые греческие и русские иконописцы».

Кончая делаем одно заключение: когда во время нашего изложения мы указывали на непригодность бумажных изображений, служивших иконами, то указывали и на то, что они продукт машинного производства. Повторяем здесь в конце нашей статьи это возражение, а если нам скажут, что начиная с XVI века, богослужебные книги стали тоже продуктом машинного типографского станка, то поясним: богослужебная книга литургиствует лишь тогда, когда с ней человек, одна — она молчит, а икона литургиствует постоянно, особенно это ясно, когда смотришь на иконостас — он как бы постоянный участник некоего непрекращающегося придвижения к литургии. Литургическое значение иконы и вообще священного искусства становится здесь особенно очевидным.

В. П. Рябушинский.

ЧЕХОВ ЧЕЛОВЕКОЛЮБЕЦ

I.

За последнее время, в связи с пятидесятилетием кончины А. П. Чехова, о нем писали очень много. Было высказано много верных мыслей о его творчестве, о его медицинских знаниях, о его отношении к литературе и театру. Почти ничего, наоборот, не было посвящено тем гуманитарным подвигам, в которых сказались великое человеколюбие писателя.

Самым замечательным его «делом человеколюбия» была поездка на Сахалин, о которой много говорилось и вкравь и вкось и о мотивах которой критика судила часто слишком субъективно.

Основоположным документом указывающим на истинные причины, побудившие Чехова на такое трудное и имевшее пагубное значение для его здоровья дело, является его письмо к Суворину (1889), в котором он подробно останавливается на моральном значении путешествия на далекий остров.

Для Чехова это был подвиг человеколюбия и он готовился к нему долго и старательно. Кроме чтения книг и материалов о Сахалине шла подготовка настоящей медицинской экспедиции, которая должна была дать полную и беспристрастную картину, жизни ссыльных и поставить диагноз их вымирания.

Путешествие через Сибирь на лошадях было настоящим мучением. В своих письмах к Лейкину он рассказывает, как на Вознесенье стоял мороз и шел снег, как приходилось бороться потом с невылазною грязью и разливом рек: «Мне приходилось починять свою повозку, шагать пешком, ругаться, вылезать из повозки, опять влезать, изнемогать от страшной жары и пыли, голода, бессонницы, вечного страха, что в повозке сломается что-нибудь... Тем не менее я все-таки доволен и благодарю Бога, что Он дал мне силу и возможность пуститься в это путешествие».

После нескольких месяцев мучительного передвижения по Сибири, Чехов добрался до Никольска Уссурийского, а оттуда на пароходе до Сахалина. Там он встретил самое внимательное отношение местных властей от Военного Губернатора ген. Кононовича до рядовых надзирателей и смог произвести свое расследование. Он ходил из поселка в поселок, из тюрьмы в тюрьму, из дома в дом, опрашивал каторжан и поселенцев, составлял тысячи карточек, лечил, выслушивал рассказы ссыльных.

Вот как он сам описывает свою работу, в письме с Сахалина Суворину:

«Не знаю, что у меня выйдет, но сделано мною — немало. Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении, от мысли, что многое мною еще не сделано. Я имел терпение сделать перепись всего Сахалинского населения. Я изъездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым. Употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч каторжных и поселенцев. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю немало надежд».

Своей поездкой на Сахалин Чехов обратил внимание на очень тяжелое положение жен ссыльных и их детей и способствовал их переселению на материк. Он открыл причины повальных болезней во многих городах и поселках, указав на то, что рыба, подымающаяся по горным рекам, становится непригодной для питания из-за истощения организма, но самое важное это то, что весь материал, собранный А. П. Чеховым был передан в центральные органы и чрез сенатора Кони доведен до сведения императора Александра III. Большинство заключений и пожеланий Чехова были приняты в соображение при реформе пенитенциарного дела в России в конце века и этим самым писатель сделал большое дело человеколюбия.

Вторым гуманитарным делом А. П. Чехова была борьба с голодом и организация кормления крестьянских лошадей из голодных губерний. Он этим самым спас тысячи крестьянских хозяйств, которые погибли бы, если бы их лошади пали.

Третьим человеколюбивым делом Чехова была организация в взятом им на себя районе всеобщей переписи, для проведения которой он привлек нуждающихся студентов Московского университета, дав им этим самым возможность провести лето в деревне и сделать полезную работу.

Конечно, в социальных трудах Чехова много можно объяснить его происхождением, близостью к народу, тяжелыми переживаниями детства, но все же главным побуждением для него была его любовь ко всем, кто нуждался в его помощи или требовал его защиты.

II.

При жизни Чехова многие считали, что его творчество слишком национально, что оно связано с определенной эпохой русской жизни и поэтому не переживет ее. Но прошло полвека, а произведения нашего великого писателя и драматурга, не только не забыты, но читаются во всем мире.

Больше всего пользуются успехом не его рассказы или по-

вести, а именно театральные произведения, которые не сходят со сцен не только зарубежных русских театров, но в переводе на европейские языки, с лучших сцен Запада и Америки.

Видимо, затронутые Чеховым в своих драмах темы не присущи одним русским, а являются вечными и одинаково могут волновать и англичанина и датчанина и француза.

Во Франции, которая имела уже давно прекрасный перевод сочинений Чехова, сделанный четверть века назад Дени Рошем, лично знавшим писателя, интерес к Чеховскому театру проявился с особой силой в последнее время. Постановки «Вишневого Сада» и «Дяди Вани» были встречены всей литературной критикой с восторгом. В других странах, особенно в Дании и Англии, Чехов читается очень много и его считают одним из мировых классиков.

Творчество Чехова необыкновенно разнообразно и обнимает все те стороны русской жизни и все те сословия, которые он лично знал и изучил. Чехов писал только о том, что он действительно изучил, при нем были всегда записные книжки, в которые он вносил краткие описания с натуры, слова и выражения.

Если больше всего рассказов Чехов посвятил русской интеллигенции, ее мечтам и разочарованиям, то не надо забывать, что и церковная среда, о которой, кроме Лескова писали очень немногие русские авторы, представлена в Чеховской прозе замечательными образами духовных лиц и простых верующих людей. Над «Архиереем» Чехов работал очень долго и упорно и это один из его замечательнейших рассказов, также как и «Святой ночью» или «Студент». Интересно отметить, что только у Чехова нет ни одной ошибки в описании духовного быта, тогда как они встречаются даже у Лескова. У Чехова замечательно, как по пониманию детской психологии, так и по любви к детям, изображение детства. Чехов всегда поддерживал ту мысль, что в детстве заложено что-то свое, особенное и ценное, что оно не есть только подготовка к взрослому возрасту, а особый мир, который проходит и уносит с собой цельное и часто непонятное для взрослых мироощущение.

Но лучше всего и сильнее всего Чехов чувствовал и описывал русскую природу. Его описания грозы в «Степи», этой одной из лучших его повестей, стоят наравне с Тургеневскими. Чехов чувствует природу, ее жизнь, ее силу и все его описания, всего живого, людей, зверей, которых он тоже знал и близко изучал, пронизано любовью.

Мечтой Чехова было превратить мир в сад полный цветов.

Он об этом говорил, когда устраивал свое имение Мелихово и когда украшал свой сад в Ялте. Это стремление к красоте настолько наполняет все творчество Чехова, что иностранцы невольно им восхищаются и дают нам пример того, как надо ценить Чехова.

П. Ковалевский.

И С Т И Н П О Л И Н

(Продолжение*)

Вселенский Патриархат не велик: он насчитывает около 80 тысяч человек, живущих по преимуществу в Истанбуле. Но влияние его распространяется на весь греческий мир, а по своему общецерковному значению он принадлежит всему миру. Из далеко лежащих церквей его юрисдикции принадлежат Греческая церковь Северной и Южной Америки (очень большая и хорошо организованная), наш экзархат, Финская Православная Церковь и греческий экзархат Западной Европы. Оставляя в стороне «вселенские» задачи Патриархата скажу несколько слов о местной церковной жизни. В этой области сделано и продолжает делаться много. В условиях турецкой жизни быть греком значит быть православным: церковь и нация составляют греческое меньшинство. Не касаясь вопросов самоуправления скажу о том, что удалось видеть самому. На острове Принкипо находятся два интереснейших учреждения Патриархии. В монастыре «Христос», расположенном на горе, значительно выше всех жилых домов и окруженном сосновым лесом, находится нечто вроде нашего летнего лагеря для девушек. Каждая греческая девушка (швея, продавщица, секретарша) может приехать сюда на две недели и провести это время среди чудной природы, в благоустроенном доме, в атмосфере свободы и благожелательности. Я провел там целый день и мог оценить свободный, здоровый и веселый дух этого учреждения. Обязательств никаких; цель пребывания — отдых и восстановление сил. Меня заинтересовало имеется ли в доме какая-либо, хотя бы и необязательная, религиозно-просветительная работа. Нет: миссионерство и борьба с секуляризацией не являются здесь первоочередными задачами; быть греком — значит

*) См. Вестник № 34. стр. 17-23.

быть православным; а перестать быть греком — значит раствориться в турецкой массе. Утром — во время литургии (я был там в воскресенье вместе с о. Максимом, который служил) — церковь была полна...

Другой монастырь — Св. Николая — выполняет ту же функцию дома отдыха, но для духовенства. Каждый священник получает возможность приехать сюда на две недели и отдохнуть от пыли и зноя Истанбула среди пиний и лугов Принкипо. К сожалению когда мы посетили монастырь Св. Николая «сезон» отдыха еще не начался и в нем жил только один монах — заведующий зданиями.

Третий центр на Принкипо — огромный детский приют для греческих детей, также существующий на средства Патриархии. Я видел большие дома в том же сосновом лесу, видел массу детей — и в церкви во время литургии и в лесу за играми, но сказать что-либо более определенное об этой работе не могу.

Во время моего пребывания на Халки я, конечно, пользовался всеми возможностями, чтобы осмотреть Константинополь. Однако, описывать его здесь я воздержусь: для этого потребовалась бы целая книга. Ведь Константинополь не только богат памятниками старины, но страшно сложен. Древность византийская покрыта древностью турецкой (и в каждой из них свои эпохи и пласты); а над ними — современная Турция, которая как своими положительными, так и отрицательными чертами напоминает эпоху Петра Великого... Говорить обо всем этом здесь невозможно; тем более, что каждой из этих тем посвящена целая литература. Но я не могу воздержаться от того, чтобы не поделиться с читателями своим основным впечатлением от всего виденного, так сказать с духовной доминантой, которую я вынес из всего путешествия. Это чувство глубокой исторической обиды, скорби об унижении Церкви, о том, что самое святое, самое большое, что вообще существовало на нашей грешной земле, загнано сейчас в какие-то забытые переулки... Это, конечно, относится к общим судьбам Православия, но в Константинополе это как-то особенно очевидно. Основным и несравненным, можно сказать, единственным, впечатлением является Св. София. Писать о ней «между прочим» было бы грехом и неуважением к святыне. Ибо она есть не только храм Вселенского Православия, не только чудо искусства и красоты, но подлинное откровение в мраморе и золоте, мировоззрение и вера и в архитектурных формах, совершеннейшее произведение «монументального богословия» (как, по другому поводу, говоря о Реймском соборе, выразился проф. Скабалланович). В нееходишь с трепетом и благоговением, а уходишь не

только потрясенный ее красотой и духовностью, но смущенный ее неслыханным унижением. Раньше, когда она была мечетью, в ней все-таки молились «местоблюстители» (как назвал благочестивых мусульман в своей статье о Св. Софии отец Сергей Булгаков*). А теперь в ней никто не молится и только несколько сторожей в шапках уныло бродят по святому месту, давая мало интересные объяснения редким туристам. Нам показывал Св. Софию ученый археолог. Благодаря этому мы видели мозаику Деисиса (равной, которой по краскам, по композиции, по стоящей за ней духовности, вообще ничего в мире нет) и другие расчищаемые мозаики на хорах, куда публике доступа нет. Но все это предстало нам, как «прошлое» и в душе все время звучал стих Алексея Толстого:

Плач неутешной души
Над погибшей великою мыслью**).

«Падение Византии» воспринимается в Константинополе не как «событие в истории Ближнего Востока», и даже не как кара «растленной Византии», за отступничество и пороки (как об этом писал Вл. Соловьев***), а как всемирная катастрофа идеи христианского царства, как падение той культуры, в отношении которой мы — в самых наших смелых достижениях — являемся подражателями и учениками. 500 лет прошло со взятия Константинополя турками, а эта трагедия стоит перед глазами, как скорбь сегодняшнего дня. Может быть потому, что мы сами были свидетелями падения православного Царства, и разрыв в истории является для нас не академической истиной и не «торжеством прогресса», а личной и национальной трагедией. Катастрофический характер исторического процесса здесь до обнаженности ясен: приходят другие люди — со своими убеждениями, своим языком, нравами, одеждой; все что строилось до этого не имеет для них никакой ценности — разве только может служить строительным материалом; они начинают новую жизнь, преследуют свои цели и идеалы; а старое предается разрушению и небытию. И вот: от дворцов Византийских императоров, бывших чудом искусства и роскоши, не осталось **ничего**. Только ряд колонн около Св. Софии свидетельствует о том, что там были не улицы, а портики, галереи, палаты... От ипподрома, на котором разыгрывалась

*) См. «Автобиографические заметки».

***) Сказано им о похоронном марше Бетховена в стих. «Тщетно художник ты мнишь, что творений своих ты создатель».

****) См. стихотворение «Панмонголизм».

политическая жизнь столицы и происходили грандиозные состязания — не осталось **ничего**. Только древний обелиск посреди пыльной площади говорит о том, что здесь что-то было. Но еще большую печаль, чем небытие прошлого, навевают те памятники старины, которые еще влачат какое-то существование, но столь униженное и печальное, что этот контраст с их прошлым величием для нас, как открытая рана, как медленное умирание в забвении и молчании.

Влахерны. Когда-то целый город дворцов и покоев на зеленых берегах Золотого Рога. Теперь самое славное имя «Влахерны» известно только немногим. Пароходик подходит к жалкой пристани, на которой значится Аиван-сарай; маленькие кривые улицы, жалкие домишки — отдаленная турецкая провинция. И среди этой деревни, наполовину вросшая в землю маленькая церковь. И это Влахернский храм, где Пр. Богородицу «виде Святой Андрей на воздухе, за мир Христу молящуюся»!

Это — то святое место, о котором поет Церковь, о котором с умилением и радостью думала вся Россия, всегда готовая паломничать к Влахернской Божией Матери. Эта чудотворная икона и сейчас стоит в храме: она очень древняя; на большой деревянной доске уже нет никакого изображения; с трудом можно угадать контур образа Богородицы. Что же касается Покрова, то греки странным образом этого праздника почти не чтут (хотя высоко на стене, справа от иконостаса, висит икона Покрова, вероятно русского и очень посредственного письма). «14 октября (по новому стилю) у нас всегда бывает много русских», говорит встретивший нас настоятель храма. Неподалеку от церкви высятся стены: огромные круглые башни, защищавшие императорский квартал, развалины дворца Палеологов, а затем бесконечная — в три ряда — городская стена, идущая от Золотого Рога до Мраморного моря (7 километров). Идем вдоль стены; с внутренней стороны она как бы составляет часть города: к ней прислонены домишки, к ее выступам приделаны дверцы; древние камни растаскиваются для этих самодельных жилищ; в башнях устраиваются уборные. А с внешней стороны, вдоль стены, проложена хорошая дорога, за которой тянутся живописные турецкие кладбища. Примерно на середине стены — Porta Романа, по-турецки Топ — капию. Здесь жил и творил Роман Сладкопевец. И здесь же неподалеку пробоина, через которую 27 мая 1453 г., в город ворвались турки. Говорят, что и щит Святослава был повешен на одних из этих ворот — без какого бы то ни было ущерба для греков.

Со стороны Мраморного моря городская стена заканчивается

Семибашенным замком. Он был построен греками, турки его расширили и превратили в тюрьму для политических преступников. В его огромных круглых башнях (без окон!) томились и послы держав, с которыми Порта вела войну (некоторые сидели там по девять лет! об этом говорят надписи, выцарапанные пленниками на камнях).

Остатки Византийской культуры и техники разбросаны по всему огромному пространству Константинополя; неподалеку от Семибашенного замка находятся развалины Студийского монастыря: мраморные плиты пола, ряд чудесных колонн и часть церковной абсиды; но все поросло травой... Около Св. Софии находится огромная подземная цистерна: целое озеро (глубиной в три метра) в большой пещере, своды которой поддерживаются рядами сотен колонн. Это чудо техники должно было обеспечить столицу водой на случай осады и прекращения подачи воды через огромный акведук, грандиозные арки которого видны между двумя центральными холмами Стамбула.

Для ученого турковеда Истанбул, вероятно, является сокровищницей памятников турецкой культуры. Огромные мечети, султанские дворцы, сады Иллыз-киоска, чудесные коллекции рукописей и книг (свитки Корана; миниатюры), оружия, тканей, фарфора — в музеях Серая — все это для специалиста имеет вероятно неограниченное значение. Мне пришлось бросить на все это поверхностный взгляд туриста, от которого, конечно, главное ускользнуло. Но чем я не уставал любоваться — это башнями и стенами «Румели-Хиссара» (греческого замка) — остатками древней турецкой крепости на берегу Босфора, сыгравшей первостепенную роль при взятии Константинополя. Это один из красивейших памятников древней военной архитектуры, поражающей и своей грандиозностью и местоположением и причудливостью своих форм. Мысль опять невольно неслась к тому времени, когда жители мировой столицы увидели выросшую у самых подступов к их городу огромную вражескую крепость...

Современная Турция хочет походить на Европу; в Константинополе строятся целые кварталы ультра-современных домов, проводятся прекрасные дороги. Но строй жизни «тоталитарный». Государство хочет быть секулярным и если и терпит религию, то отнюдь ее не одобряет. Это особенно чувствуется в области воспитания. В частности фески, фередже и другие принадлежности восточного костюма строго запрещены. Улицы Истанбула потеряли красочную прелесть Востока, хотя нищета, грязь, ухабы такие же как и сто, двести, триста лет тому назад. Ататюрк, произведший неслыханную культурную революцию, считается на-

циональным героем. Его хвалят все: турки и греки, христиане и равнодушные. Не знаю как к нему относятся правоверные мусульмане: вероятно осуждают, но не вслух...

Мне остается сказать несколько слов о русской колонии Истанбула. Она не велика. Большинство эмигрантов покинуло столицу Турции после вступления в нее Ататюрка: боялись, что культурная революция обратится в социальную и что придется снова переживать большевизм. Кроме того, турки потребовали, чтобы оставшиеся приняли турецкое подданство; а этого многим не хотелось. Но те, кто остались, довольны. Жизнь их нелегкая, трудовая, но спокойная и обеспеченная. Отрицательной ее стороной является то, что они чувствуют себя не только в провинции, но в закупоренной бутылке. Из Турции невозможно переводить куда бы то ни было деньги, и вследствие этого, русские насельники Константинополя лишены русских книг, журналов, газет; они живут совершенно отрезанными от всего русского мира...

В Константинополе имеется три русских церкви: Пантелеймоновская, Андреевская и Ильинская. Все они являются подворьями Афонского монастыря и скитов тех же наименований. В день Св. Троицы и в Духов день Владыка Кассиан служил в храмах Пантелеймоновского и Андреевского подворий. Все мы сопровождали его (Г. Р. Вагнер и Ю. Б. Сидоренко иподиаконствовали), и после службы были с трогательным гостеприимством приняты настоятелями архимандритом Спиридоном и иеромонахом Никоном и работниками приходов. В их обществе мы почувствовали себя в родной семье, которая одна и та же и в Париже, и в Нью-Йорке, и Хельсинки, и в Истанбуле... Оба храма помещаются в верхних этажах больших домов, принадлежащих монастырям, причем колокола повешены на балке, под крышей над лестницей. И в моих ушах до сих пор звучит оглушительный трезвон, которым афонские монахи встречали и провожали своего собрата, монаха Пантелеймоновского монастыря и главу нашей делегации, Владыку Кассиана.

Л. Зандер.

ЦЕРКОВЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ¹⁾

Возрождение монастырской жизни

Согласно статистике Священного Синода на территории до-революционной России в 1914 г. насчитывалось 550 православных

¹⁾ См. «Вестник» ном. 31 и 32. В предыдущем очерке нами замечен один досадный пропуск: в перечне ныне действующих семинарий пропущена семинария гор. Саратова, открытая в 1947 г. стараниями архиепископа Филиппа Савицкого (1876-1953).

мужских монастырей с 11.845 монахами и 9.485 послушниками, и в 475 женских монастырей с 17.283 монахинями и 56.616 послушницами: всего 1.025 монастырей с 94.629 монахинями и монахами²⁾.

Большинство монастырей было закрыто в самые первые годы революции: на одной территории Р.С.Ф.С.Р., к началу 30-х годов, было закрыто 673 монастыря, а имущество их, насчитывающее 90.400 гектаров земли, 84 фабрики, 436 молочных, 602 куроводства, 1.112 доходных домов, 704 странноприимных дома, 311 пастбищ, 277 госпиталей и домов отдыха, конфисковано и роздано по усмотрению правительства³⁾.

После закона от 8 апреля 1929 г., запрещающего религиозным обществам создавать кооперативы или производственные артели, монашество потеряло последнюю возможность открытого существования. Более 12 лет оно существовало тайно. Но уже в 1945 г., согласно заявлению сделанному митр. Николаем Крутицким 29 сентября в Париже, в России существовало 37 мужских и женских монастырей.

В послевоенный период количество монастырей значительно увеличилось. Согласно заявлению, сделанному покойным митрополитом Гермогеном (Кожиним) весной 1954 г. в Америке, число их достигает ныне 90.

Тщательный просмотр Журнала Московской Патриархии позволил нам определить местонахождение приблизительно 40 монастырей. Как это показывает нижеприведенный список, большинство из них находится на территории, присоединенных к Советскому Союзу после 1944 г.

А. Монастыри находящиеся в коренных русских землях.

Троице-Сергиевская Лавра. Лавра была передана Церкви 2 ноября 1944 г. (в ней находилась до этого времени школа художеств). В 1945 г. в Лавру водворились Московские Духовные Академия и Семинария. В пределах Лавры ныне открыто пять церквей: вновь отремонтированные Троицкий Собор и Храм Святого Духа, Трапезная Церковь, Успенский Собор, Крестовая Церковь. Как летом, так и осенью на Сергиевские торжества в Лавру стекается большое количество паломников; в эти дни в Успенском Соборе молитвы и акафисты поются в течение всей ночи; у мощей

²⁾ Е. Ярославский. «Октябрьская революция, религия и церковь». Москва 1932.

³⁾ G. Schmieder. «La posizione delle associazioni religiose nel diritto sovietico». Reggio, 1948.

преп. Сергия молебны и чтения акафистов начинаются с пяти часов утра; праздничная вечерня оканчивается в полночь⁴⁾.

В Киеве открыто пять монастырей:

Киево-Печерская Лавра. Открыта с 1942 года. Верхняя часть до сих пор находится в ведении правительства. В 1954 г. в Лавре было 87 монахов, из коих 20 монахов не старше 25 лет, пятнадцать в возрасте от 25 до 50, остальным же за 50⁵⁾. Лавра привлекает к своим святыням множество паломников, даже из среды комсомольцев⁶⁾.

Златоверхий мужской монастырь.

Три женских монастыря. В них было в 1952 г. 250, 158 и 260 монахинь⁷⁾.

Чернигов: Свято-Троицкий женский монастырь. **Сумы:** Глинская пустынь Рождества Богородицы. **Каменец-Подольск:** Сатановский женский монастырь. **Днепропетровск:** мужской монастырь. **Одесса:** Успенская Патриаршая Обитель, Свято-Троицкий женский монастырь. **Минская епархия:** Жировицкий монастырь; в нем же находится и Минская Духовная Семинария. **Муром:** женский монастырь.

Б. На территориях присоединенных к СССР после Второй Мировой Войны.

Молдавия насчитывает до 15 монастырей. Из них нам известны только четыре: мужские монастыри — Ново-Нямецкий, Гербовитский, Чинганешский и женский — Речульский.

Прибалтика.

Вильна: Свято-Духовский монастырь. Один женский монастырь.

Рига: Сергиевский женский монастырь (около 60 монахинь). **Пюхтицкий монастырь (Эстония).** **Псково-Печорский монастырь** (ныне в пределах Псковской области).

Волинь:

Почаевская Лавра. К концу 1946 г. в ней было 60 монахов и 20 послушников. По случаю праздника обретения мощей преп.

4) Ж. М. П., № 11, 1953 г.

5) Из заметок французских студентов. См. «Dans l'Esprit et la Vérité», № 24, 1954 г.

6) Комсомольская Правда, 9 июля 1953 г.

7) Из рукописного отчета пастора А.Ф. Johansen.

Иова (10 сентября) Лавру посетило 35.000 паломников⁸⁾. В 1953 г. «число паломников было особо велико. Масса богомольцев до поздней ночи бесконечным потоком шли на поклонение святым мощам и к елеопомазанию. Всю ночь перед мощами преподобного, священники, сменяя друг друга, читали акафисты. А с шести часов утра начались ранние Литургии в пещерной церкви, в Троицком Соборе и других лаврских храмах. В 10 часов утра великий лаврский звон возвестил о начале поздней литургии, которая была совершена тремя архиереями в сослужении 40 священников. Торжество закончилось крестным ходом вокруг Успенского храма со святыми мощами преподобного при звоне лаврских колоколов»⁹⁾.

Корченский женский монастырь (Воскресенский).

Белоруссия: женский монастырь в Гродно (около 70 монахинь).

Закарпатье: четыре монастыря. Два женских, один — Свято-Николаевский в Мукачево, другой в Дубохах, и два мужских.

Как видно из нашего, правда, по всей вероятности, неполного перечня, монастырская жизнь в Сов. России — еще очень скудная. Полной монастырской жизнью живут только Лавры, Троице-Сергиевская, Киево-Печерская, Почаевская, Псково-Печорский монастырь и женские монастыри в Киеве. Епископы избираются по преимуществу из наместников и настоятелей крупных монастырей. Так были поставлены во епископы в 1953 г. настоятель Жировицкой обители, Митрофан (Гутовский), наместник Троице-Сергиевской Лавры, Иоанн (Разумовский), наместник Киево-Печерской Лавры, Нестор (Тургай), наместник Почаевской Лавры, Иннокентий (Леоферов), в 1954 г., эконоом Киево-Печерской Лавры архим. Евмений.

Н. Струве.

8) Ж. М. П. № 10, 1946 г., стр. 34-43.

9) Ж. М. П., № 2, 1954 г.

Р.С.Х.Д. с глубокой скорбью приняло весть о кончине Б. П. Вышеславцева, который был всегда близким другом Движения и был Тов. Председателя Движения с 1932 г. по 1939 г.

Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВ *)

Сошел в могилу еще один представитель старой русской эмиграции, проф. Б. П. Вышеславцев. Покойный родился в Москве в 1877 г. и учился в той самой 3-й Московской гимназии, нравы и порядки которой так образно нарисовал В. М. Зензинов в своих воспоминаниях. Он был питомцем Московского Университета, юридический факультет которого он окончил в 1899 году. Карьера присяжного поверенного, которую он избрал после окончания Университета, его не удовлетворила, и он променял ее на менее прибыльную профессию русского ученого. «Адвокатура процветает, пишет он в своем дневнике от 1902 года, но я читаю Канта»... «Я все более занимаюсь философией, адвокатуру совсем оставил». Друг и университетский товарищ покойного, В. А. Савальский, в молодости оставленный при Московском Университете (умер в 1916 г.), ввел Б. П. в кружок группировавшийся около профессора П. Н. Новгородцева, по рекомендации которого Б. П. был оставлен при Университете со скромной стипендией в 50 рублей в месяц. П. Н. Новгородцев обладал замечательным талантом объединять вокруг себя интересующихся философскими вопросами молодых людей, из которых многие сделались впоследствии более или менее заметными учеными. Трудно забыть воскресные собрания на его квартире с дебатами на философские и социальные темы. Вот запись из дневника Б. П., характеризующая, чем жили некоторые круги русской молодежи в начале девятисотых годов. «Читаю всех старых кантианцев, вплоть до Фихте и увлекаюсь истреблением вещи в себе»... Моя работа написана с большой страстностью, как сказал профессор Новгородцев. Я читаю работу Н. Н. Алексеева, он мою, происходят страстные дебаты и весьма враждебная полемика с ним, впоследствии моим другом в самых лучших годах странствий»... Враждебная полемика о «вещи в себе» — как это далеко от умонастроения современной молодежи!..

В 1908 году Б. П. выдерживает блестяще магистерские испытания при Университете, получает звание приват-доцента и командировается на два года за границу для научной работы. «Пожалуй

*) Настоящий некролог был напечатан в «Новом Русском Словѣ» (Нью-Йорк), 26 октября 1954 г.

самый блестящий момент нашей молодости, — пишет Б. П., — свобода, надежды, возможности, все впереди»... Берлин, Марбург, Италия, Рим, Париж. Гейдельберг — везде новые впечатления, новые встречи, новые мысли и идеи. Из университетских городов Б. П. более всего привлекает Марбург, где, у подножия старого

замка, на берегах тихо струящегося Лана, приютился старый Университет с знаменитым Наторпом во главе. В те годы в Марбурге собрался ряд выдающихся молодых философов — Николай Гартман, впоследствии чуть ли не самый известный философ Германии и ректор Берлинского Университета, Хаймзют, позднее профессор в Кенигсберге и ректор Кенигсбергского Университета, В. З. Сеземан, впоследствии профессор в Ковно, Татаркевич,

позднее профессор в Кракове, Гавронский, впоследствии профессор в Берне. «Зима, снег, — пишет Б. П., — иду к Гартману, он живет наверху у готической церкви, в старо-германском домике, где мог бы жить «молодой Вертер» или молодой Фихте в бедные годы... Комната натоплена хорошо, Гартман всегда дает крепкий кофе, который сам делает. Мы ведем философский диалог... Чудное тихое время созерцания и мысли».

Из Марбурга вывез Б. П. свою диссертацию «Этика Фихте», которая имела большой успех в России и открыла перед ним широкую академическую дорогу. Ему был поручен курс «Истории политических учений» для второго курса юристов в Московском Университете, его семинар собирал всегда большое количество слушателей. Кроме того, он читал в Московском Коммерческом Институте и в Народном Университете Шаняевского, где его лекции по Истории философии пользовались особым успехом и создали многих поклонников. Он был блестящим лектором, читал всегда с вдохновением и подъемом. В 1917 году в январе он был избран экстра-ординарным профессором Московского Университета.

В эмиграцию он прибыл в 1922 году вместе с группой, высланных из Советской России, ученых. Запомнились его слова, произнесенные при первой беседе: «Философия должна быть теперь не изложением малодоступных для людей теоретических проблем, но учительницей жизни». Отсюда тяга его к религиозной философии, на которой он сосредоточился в эмиграционные годы. Однако, под «религиозной философией» он не понимал богословской догматики, всегда ему чуждой. Он был свободным религиозным философом, в котором, однако, всегда чувствовалась древняя философская традиция и глубокое философское образование. Этим уважением к традиции и особенно эллинской, его религиозная философия отличается от философских размышлений Н. А. Бердяева, с презрением относящегося ко всякому «академизму» и философскому классицизму.

Следуя намеченному им пути, Б. П. еще в Берлине сблизился с организацией Христианского Союза Молодых Людей (И.М.К.А.), начал посещать ее съезды и конференции, а также читать лекции в основанной в Берлине и затем переехавшей в Париж Религиозно-Философской Академии. При переезде в 1925 году в Париж он был приглашен на должность редактора в издательство ИМКА-Пресс. Многие русские литераторы должны быть ему благодарны за готовность всегда помочь в вопросе издания книг в названном издательстве.

Б. П. был, кроме того, профессором Русского Богословского

Института в Париже и близким участником Экуменического движения в период его деятельности до второй мировой войны. Он был делегатом Русской православной церкви (юрисдикции Константинопольского патриарха) на Всемирной Экуменической Конференции в Оксфорде в 1937 году. После переезда в 1945 году в Швейцарию он прочел ряд лекций в разных швейцарских городах на религиозные и экуменические темы. Лекции эти имели немалый успех — и смерть Б. П. была отмечена в швейцарской прессе, всегда скупой на раздачу похвал русскому эмигранту.

Б. П. был широко одаренным человеком, большим ценителем театра, знатоком и любителем музыки, поклонником поэзии и изящной литературы. Он был человеком особой насыщенной духовной культурности, каких не рождается более в современном моторизованном мире, в мире спорта и бездушных роботов. Отсюда его нелюбовь к индустриальной цивилизации, выраженная в его последней книге «Кризис индустриальной культуры», изданной Чеховским издательством и имевшей немалый успех в русском зарубежье. В лице покойного ушел из этого мира характерный представитель старой русской интеллигенции, русский ученый, философ и «гражданин» мира. Интерес к философии был у него так глубок, что перед лицом смерти, в тяжких страданиях, он любил говорить на философские темы. «Возвращаюсь к истокам бытия», сказал он мне в один из последних дней своего земного существования: «Все понял... как это просто».

Н. Н. Алексеев.

ПАМЯТИ БОРИСА ПЕТРОВИЧА ВЫШЕСЛАВЦЕВА

В жизни философа есть две стихии, два пафоса: познание и учительство. Познание не нуждается в оправдании: в своем чистом виде оно есть «высшее благо», самоцель. Философия есть «самое важное», учил Плотин, для которого философия была первым долгом, созерцанием единого абсолютного. И эта оценка знания освящена и Евангелием, объявляющим знание содержанием вечной жизни: «... сия есть жизнь вечная, да **знают** Тебя — Единого истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ио. 17-3). Поэтому и состояние райского блаженства в западном богословии определяется как созерцание — *visio beatifica*...

Но философ отличается от мистика тем, что его созерцания носят (или вернее получают) умозрительный характер; он старается облечь их в рациональную форму, доступную всякому,

мысль которого причастна Логосу и следует логике. «Неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12-4) лежат вне области философского мышления... А от ученого (специалиста) философ отличается тем, что предметом его созерцания всегда является общее и целое, а не та или иная специальная ограниченная область бытия.

Но рядом с жаждой знания философу присущ пафос учительства. «Всякий человек», говорит Платон, «стремится родить... ибо зачатие и рождение являются бессмертием смертных существ» (Пир. 25). Эта мысль повторена у апостола Павла, поскольку тайну благовествования он сравнивает с тайной рождения: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» (Гал. 4-19), «я родил вас во Христе Иисусе благовествованием» (1 Кор. 3-15).

Раз познав истину философ неизбежно стремится передать ее другим. Этим он, в меру данного ему таланта, выполняет вторую заповедь о любви к ближнему, подобно тому, как его жажда знания всегда является выражением его любви к Богу...

Таким образом пафос познания неразрывно связан с пафосом учительства; но в действительной жизни мы часто видим, что одна из этих стихий поглощает другую и тогда образ философа, мудреца и проповедника, заменяется эгоизмом отвлеченного теоретика или профессионализмом «профессора философии».

Последний занял исключительное место в области мысли с начала 19-го века. В течение всего периода «новой философии» имя философа присваивалось почти исключительно людям занятым академическим преподаванием. Остальные считались или поэтами (*Der Dichter Nietzsche*, писал Виндельбанд), или публицистами (Розанов, К. Леонтьев) или пророками («*Le prophète Réguy*», согласно *André Rousseau*)....

Бориса Петровича Вышеславцева мы также знали как профессора: богатого по темам, блестящего по форме, глубокого по содержанию. Относительно же его внутренней «философской» работы мы могли только догадываться. Но вот, уже после того, как он от нас ушел, мне было дано заглянуть во внутреннюю клетку его умственной работы; и здесь я увидел философа, созерцателя, искателя и любителя мудрости, который до самого смертного часа жадно и бескорыстно учился и познавал. Уже пораженный смертельным недугом он до самого конца, пока позволяли силы, ходил каждый день в библиотеку и читал, читал — знакомился с самыми разнообразными отраслями знания, проникая во все новые глубины мысли. А затем, вернувшись домой, продолжал читать те книги, которые мог иметь у себя. Жажда знания была в

нем едва ли не сильнее жажды жизни. Последними его словами были: «как все просто». Эти слова (так понимающие «*Licht mehr Licht*», Гете) сами по себе заключают целую философию, но они получают особое значение и ценность, когда видение белого луча простоты увенчивает собою многоцветный спектр предварительного искания...

Плодом философской работы Бориса Петровича явились не только его книги (он писал сравнительно немного), но и множество конспектов, выписок, заметок, цитат. Все это он делал явно для себя; не думая ни об учениках, ни о последователях. Но теперь, когда его уже с нами нет, его голос звучит для нас не только в доступных для всех книгах, но и в его «архиве», который, естественно, будет достоянием немногих.

Эти рукописи не могут быть предметом чтения; их можно изучать, и знакомство с ними может иметь бесценное значение для тех, кто занимается теми же темами, над которыми работал Борис Петрович. Поэтому супруга Бориса Петровича, Наталия Николаевна, выразила готовность допускать к пользованию рукописями Б. П. тех, кого это может интересовать. Ниже мы даем общий обзор этого архива, в надежде, что участь у Бориса Петровича и после его смерти и проникая в самую лабораторию его мысли, мы тем самым выполним самое заветное желание философа: быть учителем и наставником не только своими лекциями и книгами, но самым процессом своей работы, своей мыслью, своей жизнью.

Л. А. Зандер.

АРХИВ Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВА.

Архив Б. П. Вышеславцева состоит из большого количества тетрадей и несшитых листов, содержащих конспекты и цитаты, как классических философских сочинений, так и различных научных книг; к ним присоединяются собственные мысли Б. П., комментарии, объяснительные и критические заметки и т. п. Весь этот материал рукописный; но почерк Б. П. — крупный и ясный — позволяет легкое чтение его записей. Конечно, все это не может рассматриваться, как «книга»: это сырой материал, заметки «для себя». Но они могут иметь неоценимое значение для всякого, кто занимается теми вопросами, которые были предметом изучения и размышления Б. П. В таком случае в записках Б. П. он найдет руководящую нить и множество цитат и ряд критических замечаний, которые облегчат ему знакомство с трудными и большими философскими произведениями. И если знакомство с заметками Б. П., посвященными Хейдеггеру или Ясперсу, не заменит чтения самих авторов, то они во всяком случае ориентируют начинающего в творчестве этих философов. Проф. Н. Н. Алексеев заметил шутя, что в архиве Б. П.

скрывается не одна подготовленная диссертация; надо только извлечь ее содержание и придать ей соответствующую форму...

По своему содержанию тетради архива распределены нами частично в хронологическом, частично в систематическом порядке. Таким образом, можно легко найти нужное. Некоторые «главы» обширны, другие, наоборот, очень кратки. Вот их список:

Отдел I.

ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И МИСТИКИ.

Рукописные конспекты, наброски и т. п.

Индусская литература. Египет. (социальная революция 2660-2160 г. и миф о творении). «Апейрон» и единство противоположностей в древней философии. Платон: Диалектика и восхождение к идее добра. Платон: Тезет. Платон: Парменид. Платон о Боге. Законы Тимей. Аристотель. Единство противоположностей. Плотин: Лекции по древней философии. Плотин. (О созерцании). Прокл. Мысль Марка Аврелия. Проблема плоти у Ап. Павла (к вопросу о сублимации). Дионисий Ареопагит. Ориген. Климент Александрийский. Иоанн Златоуст, как мистик. Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов. (лекция). «Мистирион»: Августин и Климент Александрийский (лекция). Августин. Григорий Палама, Симеон Новый Богослов и др. (Образ и подобие). Ансельм. Скот Ериугена (творение из ничего и абсолютное). Дунс Скот и проблема свободы. Мейстер Эккарт. Святая Тереза. Николай Кузанский (диалектика Абсолютного; Бог, мир и человек). Николай Кузанский (выписки из немецкого перевода Шарпф). Вико. Маймонид. Яков Беме. Лейбниц. Декарт. Паскаль. Мальбранш. Кант (эстетика). Гегель (Логика). Гегель (разное). Шеллинг (эстетика). Киркегор (страх и трепет). Ницше. Коген (эстетика). Хейдеггер (абсолютное Ничто, метафизика, Бытие и Время). Н. Гартман. Макс Шеллер. Ясперс (метафизика). Ясперс (историософия). Ясперс (метафизика личности). Ясперс и Гуссерль. Ясперс и Бергсон (небытие). Ясперс (свобода). Бергсон (Два источника). Шмидтхаузер. Достоевский. Франк. (по поводу «Смысла жизни»). Лосский.

Отдел II.

ФИЛОСОФИЯ.

Абсолютное. (Тема онтологического аргумента). Его когнитанс (Сеземан, Гуссерль). Самосознание, сознание, подсознание. (Сеземан). Я и проблема бессмертия. Бог и бессмертие. Идея бессильного и страдающего Божества. Парадокс Христа. Проблема случая. Курно. Проблема зла. Добро и зло в христианском учении. Любовь и смерть. Психоанализ подсознания и современная душа. Любовь в современной психологии, любовь и ненависть. Закон и благодать. Аксиома религии (откуда и куда мы идем). Имаго Деи. Католическая доктрина об Имаго Деи и Юстиция оригиналис. Лекции по антропологии. Содержание бессознательного: комплексы и мифы. О воображении. Творчество, работа и досуг, идея аристократии. Релятивизм, натурализм, психологизм. Космовитальное чувство. Идея Бога в теософии и переселение душ. Феминологическая редукция. Больсано (наукоучение). Субъективно-объективное противопоставление в познании. Единство противоположностей

(разные авторы). Решение трагического противоречия (доклады по-немецки и по-французски). Физика и философия. Философия материи и проблемы матерьялизма (разные авторы). Проблемы трансфинитного.

Отдел III.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ.

Право и справедливость (незаконченная статья). Проблема власти и идея непротivления. Власть и право в демократии. Критика демократии. Монтескье. Липпман (общество свободных людей). Тениес, (общество и общение). Индустриализм. Разное на тему социальной психологии, Маркс и Каутский. Парето. Маркс. Общине и коммунизм. Ленин. Изречения Сталина. Социальная философия (заметки и ссылки). Зомбарт. Капитализм. Макс Вебэр. Фрейер. Индивидуальная и массовая психология. Масса. Движение масс (заметки). Психология масс (французская лекция и матерьялы). Массовая психология (полемика и переписка по поводу этих работ). Прудон о социало-коммунизме. На разные социальные темы.

Отдел IV.

О ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Учение о церкви. Что такое православие (по-французски). Сущность и судьба православной церкви (по-немецки). Разные матерьялы о православии и о церкви.

РАЗНОЕ.

Гушкин — поэт свободы (по-немецки). О Толстом. Трагедия Франции (по-немецки). Русский национальный характер (по-французски).

Желающие ознакомиться с теми или иными частями архива, благоволят обращаться или непосредственно к Н. Н. Вышеславцевой (2, chemin des Roches, Genève, Suisse) или к Л. А. Зандеру (4, rue d'Alsace-Lorraine, Boulogne, Seine).

ПАМЯТИ Н. А. ДОБРОВОЛЬСКОЙ-ЗАВАДСКОЙ.

Так неожиданно отошла ко Господу в Милане Надежда Алексеевна. Несколько лет тому назад, мне пришлось близко познакомиться с покойной, как со врачом, имя же и светлый ее образ знакомы мне давно, с первых лет невольного беженства в английских лагерях для русских, в далеком Египте в 1920-22 г.г. И там она пользовалась глубоким уважением и своих коллег, и младшего санитарного персонала, и больных, как опытный хирург — женщина, бывшая еще профессором в России. В походных палатках или примитивных бараках русские хирурги под зноем Африки делали столь сложные операции, что ими поражались английские врачи Египта как и приезжие врачи из разных стран Европы и Америки. Но не только признанное врачебное искусство было присуще тем врачам, почетное место среди которых занимала Н. А., им было также присуще особое искусство отношения к больному, страдающему человеку, кем бы он ни был, что было свойством, думаю, в большинстве случаев вообще русского врача.

К глубокому прискорбию, всю красоту души человека часто вполне не постигают лишь после отшествия ее «горе», ко Господу. До последних дней своей жизни, Н. А. непоколебимо служила человеку. Погруженная в свои научные медицинские исследования, посещая мировые медицинские конгрессы Европы и Америки, она щедро дарила свой редкий отдых посещениям порой и некоторых русских домов под Парижем. Н. А. даже в воскресные дни всегда внимательно осматривала больного; выступала там с разнообразными интересными докладами. Все это, конечно, совершалось ею безвозмездно. Она умела ободрить ослабевшего человека, одарить его любовью и вниманием, а себя лишая, столь насущного при ее трудах и преклонном возрасте, отдыха и покоя.

Верим и уповаем, что и встретил Господь ее душу словом притчи: «Болен был и ты посетила Меня».

Архимандрит Авраамий.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

М. Г. Редактор,

В 34 номере «ВЕСТНИКА» Русского Студенческого Христианского Движения была помещена моя статья «Поездка в Индию».

К моему удивлению, Вы заменили всюду имя Православной Церкви Южной Индии, Вами выбранным именем Сиро-Яковитов. Вы сделали это без моего согласия, не предупредив меня и тем самым исказили смысл моей статьи.

Православные Индийцы называют свою церковь официально Сиро-Православной церковью Малабара, но многие из них предпочитают имя Православной Церкви Южной Индии. Кличка — «Яковиты» — дается им их противниками, подобно тому, как некоторые Римо-католики называют нас схизматиками, а старообрядцы — Никонианами.

Я считаю правилом элементарной церковной вежливости называть других христиан ими самими выбранными именами, а не кличками, придуманными их противниками. Кроме того, мое пребывание в Индии убедило меня, что Малабарские христиане подлинно православны по вере, и то имя, которое равно дорого нам и им — «ортодоксия» — и является драгоценным звеном между нами, залогом чаемого восстановления общения в таинствах.

В заключение я должен обратить Ваше внимание на примечание Редакции в начале моей статьи, в которой указывается, что, благодаря богословской необразованности своего клира, Церковь Южной Индии перешла под ведение монофизитов в 1653 г.

История Православия в Индии очень сложный и интересный вопрос, который только что начинает разрабатываться богословами. Заметка редакции является таким упрощенным решением взаимоотношений между церковью Индии и ее малоазнатских соседей, что она показывает малоосведомленность ее автора.

Индия находится сейчас на духовном распутье. Православная церковь Малабара имеет ответственную миссию в этой огромной стране. Наш долг помочь нашим собратьям по вере, которые в течение веков, отрезанные от остальных Православных Церквей, свято хранили священный огонь христианской истины. Вот почему я протестую против

замены имени «Православия» кличкой «Яковитов», которую Редакция «Вестника» позволила себе в моей статье.

Н. Зернов.

Оксфорд, 1-11-1954.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович,

Редакция Вестника признает свою вину в том, что не испросив Вашего согласия, произвела изменение терминологии в Вашей статье, в чем приносит Вам свои извинения. Мы сожалеем, что не снесли с Вами и не испросили Вашего согласия на перемену терминологии, которую считали нужной сделать, чтобы не вводить наших русских читателей в заблуждение. Нам казалось, что Ваша терминология могла быть понята так, что уже существует единство между Церковью Южной Индии и Православной Церковью, тогда как в действительности его нет.

Церковь Южной Индии православной считаться не может, что наглядно показывает ее история, по сей день сохранившиеся в ее литургических книгах несторианские и монофизитские утверждения об истинности веры, а также почитание святыми некоторых еретиков, как, например, Евтихия.

Церковь Южной Индии с древнейших времен уклонилась в несторианскую ересь. В 1599 г. католические миссионеры португальцы воспользовались смертью единственного местного епископа и присоединили всю Церковь к Риму. Но попытка перестроить ее на римский лад вызвала через 50 лет массовый выход несториан из унии под водительством архидиакона Фомы Паранбилы (всего 400 человек остались верны унии). Паранбила просил у месопотамских несториан посвятить его во епископы, но был отвергнут ими и обратился к сирийским яковитам-монофизитам, которые с радостью приняли его в свое общение.

Мы в своем примечании объяснили этот переход богословской необразованностью местного клира. Это же самое утверждает и Владимир Соловьев, приписывающий этот переход из одной ереси в другую «полной утратой религиозного сознания, т. е. эти секты произошли из диаметрально противоположных заблуждений». В 19-м веке немалая часть яковитов перешла в англиканство, создав свою яковито-протестантскую церковь (38.000 членов в 1901 г., около 100.000 — в 1921 г.). В 20 веке Церковь Южной Индии постигло новое разделение: часть осталась под юрисдикцией Антиохийского Яковитского Патриарха, другая получила от другого Яковитского Патриарха, пребывающего на покое, фактическую автономию. Эта часть церкви и именуется теперь «Сиро-православной».

История Церкви Южной Индии никак не позволяет нам согласиться с Вашим утверждением, что церковь эта «в течение веков свято хранила священный огонь христианской истины». Ни в 17 веке, когда возникли нелады с месопотамскими несторианами, ни в 20 веке, когда произошла ссора с антиохийским Патриархом — монофизитом, епископат или клир этой Церкви почему-то не обратились к Православной Церкви. Если бы они обратились, то надо полагать, что Православная Церковь с радостью их приняла бы, как это произошло в 19 веке с урмийскими несторианами. Искреннее желание урмийских несториан, дважды обратившихся к православным: в 1859 г. через священника Михайла и в 1883 г. через епископа Гавриила, увенчалось успехом. В 1898 г. они торжественно были присоединены в Петербурге к Православию во

главе с епископом Сулурганским Меар Ионой по третьему чину, через отречение своих заблуждений и в сущем сане.

Если «Сиро-Православная Церковь Малабара», согласно Вашему свидетельству в настоящее время православна не только по наименованию, но и по своему догматическому исповеданию истины и веры, то можно только пожелать, чтобы она пошла по пути урмийских несториан и восстановила свое единство с Православной Церковью. В таком случае каждый член Православной Церкви искренно должен искать путей к восстановлению этого единства и делать все возможное, чтобы оно осуществилось, как можно скорее.

Редакция.

БИБЛИОГРАФИЯ

Православие в жизни. Сборник статей под редакцией С. Верховского. Издательство им. Чехова. Нью-Йорк 1953 (411 стр.).

Сборник, изданный в Америке в 1953 году, под редакцией С. Верховского, на своих 400 страницах объединяет как бы «отцов и детей», старшее поколение наших профессоров — прот. В. Зеньковского и А. В. Карташева и их учеников: самого редактора Сборника, прот. А. Шмемана, преподавателей Богословского Института в Париже о. А. Князева и Б. А. Бобринского и других лиц. Само название Сборника вполне актуально, как и цель его дать краткие сведения о православии в его учении и жизни. Справедлива оговорка редактора об ответственности каждого автора за свои убеждения. Горьким словом звучит мужественное признание предисловия: «Неповрежденная истина есть только в Православии... однако, состояние самой Православной Церкви печально». Исторически вполне справедливо, что одна Греческая Церковь (уточним от себя, особенно Афинская), живет полнотой жизни. Редактор сводит к 5-ти пунктам самые существенные нужды современного Православия: 1) свобода от мирского насилия и засилия, 2) оживление в широких кругах верующих подлинно-христианской жизни, 3) единство, 4) церковная культура и 5) миссионерство. Можно от всей души приветствовать призыв редактора к объединению всего христианского мира во всем, в чем вероисповедные различия не существенны, не в смысле сверхконфессиональной организации, но в согласовании и сотрудничестве в общехристианских задачах. В самой Церкви возможны свобода и многообразие. Главное провиденциальное назначение эмиграции в распространении по всему миру Православия и русской культуры. В этом до сих пор сделано слишком мало. Такова в общих чертах намеченная редактором программа Сборника. Порядок напечатания статей не систематичен: первое место предоставлено авторам-священникам. Думаю, что эта «несистематичность» позволяет и рецензенту, особенно в краткой журнальной статье, обратить внимание читателя на те статьи, которые ему самому более близки.

Из изречения Самого Спасителя: «Исследуйте Писания» (Ио. V:39), подтвержденного и словами блаженного Иеронима: «Кто не знает Писания, не знает Христа», следует, что и познание претворенного в жизнь Православия неукоснительно исходит от Священного Писания, коему и посвящена интересная и содержательная статья о. А. Князева: «Что такое

Священное Писание» (стр. 117-145). Для верующих Св. Писание, это Слово Божие, обращенное ко всему миру. Оно всегда современно; в наше время потрясений и исканий, оно становится и «злободневным». Автор сетует, что именно сейчас Св. Писание меньше читается; это особенно верно в отношении православных. На Западе же наблюдается возрастающий интерес к Писанию. Статья о. Алексея особенно полезна для среднего интеллигентного читателя, в церковном отношении малообразованного, хотя и посещающего в общем воскресные и праздничные церковные службы. Она дает также богатый материал для борьбы с сектантской пропагандой, все больше захватывающей слабые православные души часто по неведению ими подлинного смысла Св. Писания. Интересен и затронутый автором вопрос о взаимоотношении Библии и науки. Но думаем, что особенно актуален и злободневен вопрос о Ветхом Завете в составе Библии. Ветхий Завет подводит нас ко Христу, он неизбежен для нашего спасения. Автор связывает Свящ. Писание с молитвенной жизнью Церкви, стремящейся обосновать на нем весь свой богословский опыт; но богословствуя, Церковь одновременно и молится. Поэтому так полезно указание автора, что Св. Писание читается во всех богослужениях, в суточном, седмичном и годовом кругах. Также необходимо твердо знать, что Св. Писание есть запись Свящ. Истории. Из Свящ. Писания мы видим во Христе исполнение всех мессианских пророчеств. Ветхозаветные книги, по учению Нового Завета, таинственным образом предсказывали Христа. В этом смысле особенно характерно Послание к Евреям. Библия, как книга о Христе, дает нам живого Христа, непрестанно усовершенствуя нас в Его познании. Автор заключает словами: «В нашу эпоху различных потрясений и волнений... Сам Бог указывает нам путь к возрождению Христова свидетельства в мире и особенно вменяет в долг каждому верующему проникать в смысл Свящ. Писания».

Как бы в унисон с рассмотренной нами статьей о. А. Князева о Свящ. Писании звучит статья Б. А. Бобринского: «Молитва и Богослужение в жизни Православной Церкви» (241-275). При чтении этого очерка невольно вспоминаются прекрасные литургические обзоры, особенно великих праздников «Сергиевских Листков» первых лет их издания (1928-1930). Автор, ведомо или неведомо для себя, и возвращается к этой славной традиции Сергиевского Подворья, одаряя вновь верующего собранным им духовным богатством и направляя его к дальнейшему глубокому проникновению в смысл молитвы и богослужения, пользуясь при этом прежде всего Библией, св. отеческим Преданием и трудами наших религиозных мыслителей. Весьма полезен в этой области и опыт Запада, особенно работы современных католических литургистов, которые часто беспристрастно и широко пользуются в своих исследованиях церковно-молитвенным богатством Востока. С самого своего рождения христианин входит в общение, даже в Завет или Союз с Богом. Посредник этого Завета, Сам Христос, Свидетель Завета Дух Святой, изливающий на человека дары, во свидетельство нашего усыновления Небесному Отцу. Место заключения этого Завета — крещальная купель, где человек рождается к новой жизни в Церкви. Нужно соблюдать Типикон, не ради послушания букве Устава, а потому, что он молитвенно объединяет всех членов Церкви. В Церкви человек перестает молиться своими словами и только о себе, научаясь молиться со всей Церковью и за всех. «Никто один не спасается», по слову А. С. Хомякова. Переходя от молитвы к богослужению, автор утверждает, что Евхаристия есть самая жизнь и бытие

Церкви. В Евхаристии центр и вершина христианской молитвы. Центральное событие всемирной истории во Христовом Воплощении и Искуплении. Литургия — «общее дело». Церковь, собранная в Литургии во имя Христа, совершает Таинство Его Тела и Крови для приобщения Христу; без Литургии Церковь перестает быть Церковью; вся Пасхальная радость в приобщении Телу и Крови Христовой.

Поучительно указание автора, что наше богослужение восходит не только к первым векам христианства, но и к службам Древнего Израиля. Молитва синагоги развилась и превратилась в суточный круг богослужения, т. е. Вечерню, Утреню и Литургию Оглашенных. Тайная Вечера стоит на грани между обоими Заветами. Ветхозаветная Пасхальная Трапеза получила новое содержание во Христе. Особенно дороги нам ссылки автора на значение Псалмов во всем нашем богослужении. Снова невольно напрашивается параллель с Западом, где в последнее время так много и прекрасно написано о значении псалмов. Псалтирь — Боговдохновенная Книга. По св. Василию Вел. книга Псалмов содержит в себе целое богословие. Псалмы находят смысл и исполнение лишь во Христе. Псалмами Христос возносил молитву ко Отцу. Ими молились Апостолы, мученики и подвижники древности... Остается лишь повторить скорбное сетование автора: «К несчастью в наши дни не обращают должного внимания на псалмы, и немногие православные сознают их глубокое значение. Молитва наша не похожа на молитву наших отцов, она бледна, бессодержательна, субъективна, нецерковна, нас не питает и не возвышает». В заключение мы можем лишь пожелать молодому автору и в дальнейшем продолжить начатый им труд по ознакомлению широких кругов верующих с молитвенно-литургическим богатством Православной Церкви.

Теперь же обратим внимание читателя на статью прот. А. Шмемана: «О Церкви» (55-85 стр.). Имя названного молодого ученого автора уже многим знакомо, в частности, как бывшего редактора «Церковного Вестника». Сам о. Александр подходит к своей теме своеобразным вопросом: «Почему в Евангелии так мало сказано о Церкви?». Далее автор справедливо спрашивает: «Не замутнена ли в нас самих, церковных людях, сама вера в Церковь? Церковь стала «требоисправительницей» «кормит религиозные нужды». Индивидуализм, являясь источником и корнем всех зол вне Церкви, отравляет и само церковное сознание. Весьма существенны для православного мировоззрения мысли о. Александра об источниках Боговдохновенной Истины в связи со старым спором соотношения Писания и Предания. Данный вопрос разрешается верой в Церковь, как в жизнь и рост Слова в нас. Цель автора, хотя бы намекнуть на ту «перспективу», в которой «проблема Церкви», по его разумению, ставится и разрешается самим Евангелием. Во Христе явилась Божественная Жизнь — жизнь всех нас. Ее же содержание Евангельски выражено одним словом — единство. Грехом же человек разделен сам в себе; мир потерял единство; «смерть и время царят на земле». Но Сам Христос собрал нас, чтобы вкушать Хлеб Жизни, заповедал преломлять и разделять Его между собою, осуществляя в сем Преломлении вечно свое единство. Единства нет без любви и общения. Нас собирает Сама Любовь Христа: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас». Собрание верующих и есть свидетельство Любви, которое получил каждый из нас в Таинстве воды, при сошествии на него Духа. Евангелие открывает нам Любовь, собирающую нас в Церковь.

Конечное назначение человека в святости. Поэтому весьма важно ознакомление с житиями святых. В наше время православные читатели уже не удовлетворяются лубочными изданиями и нуждаются в хороших книгах по агиологии, об этом свидетельствует успех прекрасной книги Г. П. Федотова «Святые древней Руси», давно распроданной и ждущей второго издания.

Поэтому можно от души приветствовать в Сборнике статью Н. Струве: «Великие примеры» (стр. 371-407). По справедливому замечанию молодого автора, христианство прежде всего жизнь. Н. Струве и дает несколько образцов житий святых от ап. Павла до Митр. Филиппа и преп. Серафима Саровского. Особенно значителен образ св. Афанасия Великого, защитника догмата Боговоплощения: «Слово стало плотью, чтобы человек стал богом». Этим живым, внутренним, основным убеждением жил и горел Афанасий; им же живет христианство, и им только может быть побеждено современное неверие. Из примера же преп. Серафима, автор справедливо выводит, что «христианство преодолевает препятствие времени, продолжая сиять одним светом и в первом и в 20-м веках. Будем же и мы подражать примеру великих деятелей христианства, как они подражали Христу...»

Трудно в журнальной рецензии охватить весь материал Сборника, поэтому, не разбирая других статей, мы особо рекомендуем вниманию читателей богатые по своему догматическому содержанию статьи С. С. Верховского, а так же интересные очерки Н. Арсеньева (Духовные традиции русской семьи) и свящ. И. Мелия (Малая Церковь). В заключение остановимся еще на статьях представителей «старшего поколения»: о. В. Зеньковского и А. В. Карташева.

В статье прот. В. Зеньковского: «Вера и знание» (25-55 стр.), особенно интересны и важны страницы посвященные «реальности чудес». Свои размышления автор иллюстрирует примером исцеления его младшего брата по молитве о. Иоанна Кронштадтского. Тут чудом открывается всеприсутствие Божие, Божий Промысл. «Только очам веры доступно всеприсутствие Бога, Который заботится и промышляет о мире».

Две содержательные статьи нашего маститого церковного историка А. В. Карташева: «Церковь и Государство» и «Православие и Россия» (145-211 стр.), должны быть несомненно рассмотрены в отдельном очерке. Актуальность первой статьи подчеркнута самим автором: «Вопрос о Церкви и Государстве сводится к вопросу об одной из существенных человеческих свобод: о свободе религии или свободе совести». Что же касается второй статьи, то мы вполне разделяем убеждение автора, что Православие есть самодовлеющая мистическая реальность и само по себе не нуждается ни в России, ни в прочих странах. Православие могло бы обойтись без России. Но обратное соотношение исключено: России нет без Православия. Исторически гаснувшая мощь Византии уполномочила русское христианство и русскую Церковь воспринять на себя, по зову Провидения, первенство чести и ответственности за судьбу всего Православия во всем мире. «Свободное Православие, стоящее на своих собственных ногах, наряду с другими верами, своей внутренней силой вновь вернет России, как собирательному Имперскому и культурному целому, свою печать, свою икону — Икону Святой Руси».

В заключение, от души поблагодарим всех авторов, во главе с ре-

дактором Сборника, за их труды, настоятельно советуя широкому кругу читателей самим ознакомиться с интересным и содержательным Сборником.

Архимандрит Авраамий.

Т. Манухина: Святая Благоверная Княгиня Анна Кашинская. У.М.С.А.-Париж, 1954, 194 стр.

Нельзя не приветствовать и не рекомендовать всем русским читателям, равно молодым и старым, прекрасную книгу давно известной в эмиграции писательницы Т. И. Манухиной.

Умно и тонко задуманная и во всех планах выполненная, а так же не менее хорошо изданная, книга эта является ценным вкладом в сокровищницу нашей родной святости. Вместе с тем она представляет собой совершенно новый литературный образец агиографии. Такая новизна подхода, пусть и смущающая с непривычки некоторых, должна быть отмечена критикой, как первый опыт единственно возможного в наш век писания «житий»^{*}).

Автор широко развернул свою тему на фоне строго исторического, а не чисто легендарного повествования, используя притом все летописные источники и живые предания. Жуткая картина монгольского ига в 14-м веке, очерченная в сильных штрихах, благодаря обширной информации и счастливому дару Т. Манухиной, вот социально-реальный кадр, в который ею включена скорбная повесть старозаветной женской святости, обвеянная целомудренной поэзией незабываемого далекого прошлого. Вся книга посвящена духовной красоте этих поблекших лиц с присущими именно русскому православному народу и им же стилизованными чертами: беззаветной супружеской любви, верности, как знака смиренного во всем приятия единой Божьей воли. Показать эстетику такого женского идеала и оценить религиозное его сознание, есть уже большая заслуга талантливого пера.

Анна Кашинская, хотя здесь и центральная фигура, однако, отнюдь не одинокая, а сливающаяся с общим благочестивым сонмом высшего общественного класса древней Руси. Все почти жены и матери постоянно друг с другом враждующих удельных князей — невольные, иногда добровольные жертвы, либо национальной, либо бытовой трагедии, и, в этом смысле, они как бы символы своеобразной формы подвижничества.

Личная судьба их стирается силой неотвратимого рока-креста, в которой уже нет своей тайны, но зато возможны все ступени восхождения от праведности к святости.

Так жизнь в миру княгини Анны была воистину «житием». Супруг ее, тверской князь Михаил, погиб мученической смертью в Орде, в значительной степени по собственному буйному своеволию, и так же был убит там старший сын, отомстивший за отца. Анна, безропотно все претерпевшая, не нашла утешения и в молодой семье из-за непрекращавшихся в ней раздоров. На протяжении всего своего земного пути, и как жена

^{*}) Напомним, впрочем, превосходный труд Г. П. Федотова: «Святые древней Руси». К сожалению, нас, истории, дав ряд художественных портретов, увлекся психологически-субъективной их оценкой на без некоторого крена в сторону «евангельского» (или кенотического) протестантизма.

и как мать-вдова, благоверная княгиня, всеми любимая и уважаемая, являла тихий светлый образ великой молчальницы и молитвенницы за своих. В ангельском же чине — она приняла постриг уже под старость в ставшем ей родном Кашине — Анна (София), обрела с венцом подлинной подвижнической святости и славу чудотворения. Но, канонизированная, благодаря своим чудесам по гласу народному в 1650 году с торжественным открытием и перенесением мощей в присутствии молодого царя Алексея Федоровича и первой его супруги, святая благоверная княгиня была, как «двуперстная», развенчана в конце того же века в злые дни борьбы с раскольничьей смутой. Это действительно темная страница в российской церковной истории и вполне естественно, что Т. Манухина болезненно горячо реагирует на нее. Тем не менее, с ее принципиальной защитой раскола, с коим странным образом связалась **деканонизация** Анны Кашинской, мы никак согласиться не можем. Государственная защита правой веры против воинствующего сектанства неизбежна, особенно в ту эпоху; но, разумеется, не жесткие эксцессы власти, своими преследованиями лишь разжигавшими страсти противной стороны. И все же пафос нашего автора придает, надо сознаться, яркий колорит и этой более чем спорной части ее исследования.

Очень интересен и поучителен весь последующий рассказ о долгой упорной борьбе кашинцев за реабилитацию высоко ими чтимой местной угодницы-страстотерпицы, о конечной победе и новом — однако, менее полном и менее блестящем — увенчании уже «трехперстной» (!) Анны Кашинской. Чуть приглушенным колокольным звоном, звучит разрешающий аккорд этой симфонии русской женской святости в минувшие дни.

М. Л.-Б.

J.-M. de Buck. «Dieu parlera ce soir». Desclée de Brouwer, Paris

Эту книгу следовало бы прочесть всем тем, кто занят религиозным воспитанием молодежи. Полезна она и для самих юных читателей. Она вызывает глубокие размышления и переживания.

В ней то и дело упоминаются различные музыкальные произведения и композиторы, — среди них чаще всего Бах. Это не случайно, так как самую книгу нельзя не воспринять, как большую фугу. Разнообразные темы, причудливо переплетаясь, в конце концов, сходятся в одну духовно-величавую гармонию. Это совершается тогда, когда среди многих тем начинает преобладать тема Бога. Голос Бога, действительно, слышится в книге, и большей похвалы, чем эта, автор, конечно, заслужить не может. Тем не менее, кое-что для православного духовного слуха звучит в книге, как чужое и чуждое, что, впрочем, дает возможность яснее почувствовать то, что в ней ценно не только для католика.

Книга написана в форме дневника подростка — бельгийского лицеиста старших классов, чем объясняется несколько замедленный темп рассказа, соответствующий нескорому темпу внутренней жизни в отрочестве.

Герой, от имени которого ведется рассказ, принадлежит к утонченно-культурной среде крупной бельгийской буржуазии, отмеченной деловой честностью и верностью католичеству. Все высокие плоды современной культуры, в частности произведения литературные и музыкальные, являются органической частью жизни, описанной в книге, молодежи. В этом сходство ее с русской культурной молодежью начала

нашего века. У многих из этих бельгийских мальчиков пробуждается жажда более живых и глубоких переживаний, жажда уйти от эстетической созерцательности и стать активными, жертвенными участниками жизни.

Это также похоже на то, что было у некоторых юных представителей нашей интеллигенции, которые к тому же, подобно описанным в книге молодым бельгийцам, искали выход в области социальной работы и в некотором уходе в народ. У нас этот выход имел две формы: одна — это революционная деятельность, другая — многообразное служение «младшим братьям», то, например, в образе офицерской заботы о солдатах, то в образе медицинской или просветительной деятельности и т. д. К сожалению, за малыми, хотя и яркими исключениями, в России мало кто думал о религиозном, в особенности же о церковном служении народу, о внутренней христианской миссии, а между тем, в книге, о которой идет речь, молодежь устремляется именно на этот путь. У нас есть здоровое понятие об апостольском характере жизни Церкви. Такой пример поучителен и для нас, хотя и способен вызвать скорбь о том, что у этих юных католиков есть почва под ногами, есть народ с его различными слоями, а у нас, эмигрантов, — лишь отдельные разрозненные люди и семьи.

Другая боль возникает от того, что у них есть и с кем работать: находятся полутчики, а потом и целые дружины. А у нас это обретается в лучшем случае на один сезон, для одного какого-либо детско-юношеского летнего лагеря. Некоторые юношеские организации описываются и в книге, но там участие в их жизни — только первый шаг для проникновения с целью духовной работы в народную среду. Такая деятельность может духовно оформить и осмыслить не одну жизнь, но значительные книги не только в этом, а в том, что в ней дан некий образ религиозно-осмысленной и радостной жизни современных молодых людей.

В книге слышится голос Бога, но, может быть, не всегда там, где его, вероятно, хочет обнаружить сам автор. Этот голос слышится не в кропотливом самоанализе юного героя и не всегда в его, порою надуманных и едва ли преодолевающих эгоцентризм, жертвах, и не в благочестии этого ежедневно причащающегося мальчика, и не в наставлениях, нарочито не названного по имени и обозначенного только местоимением «он» таинственного наставника-преподавателя, также, как и не в речах других вождей из среды самой молодежи. Это Божие присутствие чувствуется в самой личности юного героя Тьерри, вернее в некоторой, едва ли доступной внешнему выражению, ее глубине. Обнаруживается же она в том, как относятся к Тьерри многие окружающие его люди.

Автор сумел показать, что просветляющее влияние человека зависит от самой глубины его личности, которая, может быть, нередко гораздо значительнее его слов и поступков.

Тем самым и теми же художественными средствами, автор убеждает нас и в той христианской истине, что сила Божия в немощи совершается. Эта сила проявляется не столько в той героической сдержанности многих юных героев повести и самого Тьерри, сколько в той подлинной жажде Бога, которой несомненно горит этот лицеист. Она вспыхивает то там, то здесь и во многих других юных героях повести.

Чтобы лучше понять эту самую ценную сторону жизни, показанную нам в книге, не мешает здесь уяснить то, что выше определялось, как

нечто чуждое православному духовному слуху. Оценивая себя, Тьерри нередко подводит итоги своей внешней и внутренней жизни; производит баланс хорошего и дурного и старается определить некоторые результаты своих добрых усилий. Это уводит его внимание, то к прошлому, то к будущему, в конце-концов в ту область, которую Бергсон называет *temps-espace* (пространственное время), где человек видит себя уже не в подлиннике, а в некоторой проекции.

«Внутреннее же делание», определяемое православной духовной традицией, заключается во внимании к настоящему, текущему и, скорее всего, к очень короткому моменту душевной жизни и в опознании преимущественно лишь всего дурного, что вторгается в душу. Только через такое пребывание в настоящем (*temps-durée* Бергсона), может открыться доступ к вечному, к истинно-сущему и пребывающему.

Тем не менее, несмотря на эти угрожающие ему опасности западной духовной практики, Тьерри не видит в себе того, чего и не должно видеть, т. е., своей подлинной духовной красоты — своей настоящей жажды Бога и любви к Нему. Но зато сам автор дает определенно почувствовать эту высшую, сокрытую красоту своего героя, когда показывает, как тот удивляется своему светлomu влиянию и радуется духовному пробуждению других людей.

Здесь, действительно, можно услышать тот призыв свыше, который может пробудить душу и согреть сердце читателя, — тот призыв, ради которого нельзя не посоветовать эту книгу прочесть.

Священник А. Семенов-Тянь-Шанский.

С. П. Жаба: «Русские Мыслители о России и Человечестве». (Антология русской общественной мысли). Имка-Пресс. Париж, 1954. 283 стр.

Под редакцией профессора русской литературы и русского языка Оксфордского университета С. А. Коновалова в Англии, выходит ряд работ под общим названием «Русские Писатели и Мыслители». В эту серию должна была быть включена работа Н. А. Бердяева о Русской Общественной Мысли. Антологию для этой работы Бердяев поручил составить С. П. Жабe, но сам текст так и не был закончен, и после смерти Н. А., вся работа легла на С. П. Жабu, который снабдил каждый отдел краткими характеристиками данного автора и его творчества.

Антология «Русские мыслители о России и человечестве», является очень ценным пособием при изучении истории конца 18-го и всего 19-го века, особенно потому, что она дает выдержки из трудов русских писателей, и публицистов, сочинения которых имеются только в некоторых зарубежных библиотеках и часто недоступны рядовому читателю.

В этом отношении надо быть очень признательным составителю Антологии, который проделал большую и тщательную работу — подбор характерных для каждого автора цитат. Можно пожалеть только, что в Антологию не вошли такие капитальные произведения для истории русской общественной мысли, как статьи об Европе Ф. И. Тютчевa, который, вообще не включен в число цитируемых авторов.

Книга С. П. Жабu должна быть во всех библиотеках и у всех культурных русских людей, желающих знать, в подлинных цитатах, что думала и к чему стремилась русская интеллигенция в прошлом веке.

П. Ковалевский.

Н. М. Зернов: «Вселенская Церковь и Русское Православие». У.М.С.А. Пресс, Париж, 1952 (320 стр.).

Н. М. Зернов задумал уже давно издать на русском языке книгу по истории Церкви и о сношениях между отдельными христианскими вероисповеданиями. Она должна была входить в целую серию изданий, печатаемых от лица Центра Помощи Русским и Содружества Свв. Албания и Сергия. Первым томом этой серии была, выпущенная в 1938 году, работа покойного проф. К. В. Мочульского «Великие Русские Писатели 19 века».

В своем труде Н. М. Зернов в кратчайшей, эпизодической форме, делает обзор главнейших событий, как общей, так и русской церковной истории, от апостольского века до наших дней... Наиболее полной и интересной частью книги являются две последние главы посвященные сношениям между отдельными христианскими вероисповеданиями в последнее время и возможностям воссоздания единства христианского мира.

Книга Н. М. Зернова — субъективна, но он дает в ней много материала, почерпнутого им из многолетнего опыта общения с Западным христианским миром и, в частности, с Англиканством.

В части, посвященной Русской Церкви, отметим очерки о духовных спорах 15 века, которым автор посвятил уже много страниц в других своих сочинениях и интересный материал по 19 веку.

К работе Н. М. Зернова приложены сведения о деятельности Братства Свв. Сергия и Албания, одним из инициаторов и главным деятелем которого он состоит, и напечатан список изданий, выпущенных им по-английски. Из него мы видим, что большая часть работы по ознакомлению английского общества с православием проделана автором книги «Вселенская Церковь и Русское Православие». Н. М. Зернов напечатал четыре книги: «Москва — Третий Рим» (1937), «Св. Сергий, создатель России (1939)», «Церковь восточных христиан» (1942), и «Русские и их Церковь» (1946).

Е. П.

Х Р О Н И К А

СЪЕЗД РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В АМЕРИКЕ.

5-й ежегодный Съезд Р.С.Х.Д. в Америке собрался на совсем недавно приобретенной даче Св. Серафимовского фонда, недалеко от города Аккорд, в живописных Кесткильских горах. Общая тема съезда «Православие среди других христианских вероисповеданий» была продиктована жизненной необходимостью ознакомить молодежь с местом православия в современном мире. Почти все докладчики участвовали на конференции Мирового Совета Церквей в Эванстоне. Очень оживленной была беседа о впечатлениях от этой конференции, где Православная Церковь твердо определила свое место в экуменической работе.

Доклады и их обсуждения помогли участникам уяснить себе, как православие, в отличие от других христианских исповеданий объясняет, что такое Церковь (доклад И. Ф. Мейендорфа), какое ее понимание Бога и человека (доклад проф. С. С. Верховского). Проф. Н. С. Арсеньев с

большим подъемом и любовью объяснил, как подходят к вопросу о мистике православные и западные христиане.

Совершенно необходимо рассказать о трудной работе, проведенной молодежью клуба Р.С.Х.Д. над приведением дачи в действительно замечательное место для отдыха. Все лето, не покладая рук, под руководством неутомимого о. Александра Киселева, трудилась молодежь над расчисткой леса, прокладкой дорог, рытьем колодца и бассейна, постройкой полевой Церкви, очистки места для палаток.

П. В. М.

РАБОТА Р.С.Х.Д. ВО ФРАНЦИИ. ОСЕННИЙ СЪЕЗД Р.С.Х.Д.

Осенний Съезд Движения состоялся в этом году 13 и 14-го ноября в Бьевре. В нем приняло участие около 120-ти человек.

Тема съезда была: «Православие и Россия». Первый доклад был прочитан Л. А. Зандером на тему: «Православие и Запад». Л. А. нам показал, что традиционная влюбленность русского человека в западную культуру относится не к ее сущности (ибо и западная и восточная культура имеют одни и те же корни и одно и то же содержание), а к форме воплощения ее идеалов. Доклад г-жи Бер-Сигель, основанный на личном опыте, имел целью показать влияние Православия на Запад.

Говоря о вкладе русского богословия в сокровищницу Православия, прот. В. Зеньковский остановился, главным образом, на следующих темах: о соборной природе Церкви и человека, о вращении человека в Церковь, дарующую ему подлинную свободу, и об идее православной культуры.

Наряду с докладами велись семинары: И. В. Морозов говорил о житиях Нила Сорского и Иосифа Волоколамского. Н. Струве о положении Церкви в СССР, а Ф. Г. Спасский о почитании Божией Матери в России.

На съезде была поставлена ответственная тема о Православии на Западе. В своем свидетельстве о Православии мы должны избегать двух опасностей: не исказить и не прятать его под узкой обрядностью и ясно выделять сущность православной веры от исторических наслоений и черт народного быта.

Е. Д-ло.

Кружки. Р.С.Х.Д.

В настоящем году ведут работу следующие кружки:

1) **Библейский кружок**, занимающийся изучением книги **Бытия**. Собрания происходят 2 раза в месяц, по четвергам, на квартире у Н. А. Струве, 50, rue Raynouard, Paris (16°).

2) **Литературный кружок**, занимается изучением русского театрального искусства. Собрания происходят 2 раза в месяц, по пятницам, в доме Движения.

3) **Кружок по изучению Совет. России**, собирается два раза в месяц, по средам, в доме Движения.

4) **Религиозно-философский кружок** собирается в доме Движения по понедельникам и занимается изучением социальных вопросов в свете христианского учения.

5) **Педагогический кружок** занимается разбором современной литературы по вопросам педагогики и собирается раз в три недели по субботам в доме Движения.

6) **Юношеский кружок**, собирающий молодежь от 15 до 19 лет, занимается изучением русской и французской литературы.

7) **Клуб молодежи.**

8) **Экуменический кружок**, в работе которого принимают участие протестантские, католические и православные студенты, посвящает свою работу общей теме «Место и значение мирянина в жизни Церкви». Первое собрание, состоявшееся 12 декабря на 46, rue de Vaugirard, Paris (6°), было особенно многолюдным, и доклад, прочитанный представителем Протестантской Церкви, вызвал очень живой обмен мнениями.

Музыкальные вечера.

28 ноября музыкальный вечер был посвящен опере «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, 18 декабря вечер был посвящен опере «Пиковая дама» — Чайковского. На собрании присутствовало около 70 человек.

Курсы для подготовки ответственных работников с молодежью.

Р.С.Х.Д. устроило с 23 по 30 декабря 1954 г. в Бьевре курсы, в работе которых приняли участие не только представители молодежи из провинциальных центров Франции, но и из Англии, Бельгии, Германии и Швейцарии. Программа курсов: **23 декабря:** доклад И. Ф. Мейендорфа на тему: «Православная Церковь»; литургический кружок под руководством И. Ф. Мейендорфа на тему: «Литургия оглашенных». **24 декабря:** доклад И. В. Морозова на тему: «Почему необходимо изучение русской культуры?»; литургический кружок под руководством И. Ф. Мейендорфа на тему: «Литургия верных»; кружок по изучению богослужений под руководством Б. А. Бобринского на тему: «Суточный круг» и «Всенощное бдение». **26 декабря:** доклад прот. В. Зеньковского на тему: «О служении мирян в Церкви», кружок по изучению русской литературы под руководством прот. В. Зеньковского и Т. Б. Струве; кружок по изучению творчества Достоевского под руководством Л. А. Зандера. **27 декабря:** доклад прот. Зеньковского на тему: «Проблема религиозных кризисов у молодежи», кружок по изучению русской литературы под руководством прот. В. Зеньковского и Т. Б. Струве, доклад Л. А. Зандера на тему: «Идеология Православных Движений Молодежи и их работа»; религиозно-философский кружок под руководством Л. А. Зандера на тему: «Русская религиозно-философская школа». **28 декабря:** доклад К. А. Ельчанинова на тему: «О значении русской культуры для современной молодежи»; евангельский кружок под руководством Н. А. Струве на тему: «Послание к Ефессянам»; доклад К. А. Ельчанинова на тему: «Работа с детьми». **29 декабря:** доклад о. А. Князева на тему: «О миссионерстве»; евангельский кружок под руководством Н. А. Куломзина на тему: «Евангелие от Марка»; доклад о. А. Князева на тему: «Духовная жизнь». **30 декабря:** кружок по изучению таинств под руководством о. И. Мелия на тему: «Таинство брака», кружок по изучению таинства под руководством Ю. И. Демидова на тему: «Таинство крещения».

Дошкольные занятия.

Р.С.Х.Д. организует дошкольные занятия для детей в возрасте от 4 до 7 лет под руководством А. И. Боровковой. Занятия происходят по

четвергам от 15 ч. 30 м. до 17 ч. в доме Движения. В программе занятий: гимнастика, песни, стихи, танцы, игры, сказки в исполнении детей.

Зимний лагерь.

Юношеский Отдел Р.С.Х.Д. во Франции организовал с 23 декабря по 2 января зимний лагерь под руководством К. А. Ельчанинова. В лагере было 50 чел. детей.

Елка Р.С.Х.Д.

Р.С.Х.Д. устроило Рождественскую елку в воскресенье, 16 января 1955 г., в зале «Notre Maison», 32, rue Olivier Noyer Paris (15°),

Комитет Юношеских Организаций по изучению России.

Комитет Юношеских Организаций устроил в субботу, 23 октября, в помещении Р.С.Х.Д., собрание, посвященное общей теме: «Летние лагеря и их будущее». С докладами выступили молодые руководители Юношеских Организаций. На собрании присутствовало 60 человек.

31 октября, в зале «Жан Гужон», состоялся «Общий Костер» русских национальных юношеских организаций. Костер прошел с успехом, достаточно указать, что на нем приняло участие больше 300 чел. молодежи.

11 декабря, в помещении Р.С.Х.Д., состоялся вечер, посвященный памяти А. П. Чехова, на котором собралось более 60 человек молодежи. С докладами выступили молодые члены Юношеских Организаций. Первый доклад прочел Сергей Роменский: — «Биография Чехова», второй доклад ученица VII-го класса Русской Гимназии и член Орган. Соколов, Ольга Дмитриева, на тему: «Значение Чехова в истории русского театра» и третий доклад, ученик VIII-го класса Русской Гимназии — Владимир Беляев на тему: «Россия в творчестве Чехова».

Все молодые докладчики прекрасно справились со своей задачей и прочли очень содержательные и интересные доклады, но особо нужно отметить прекрасный по построению и по содержанию доклад С. Роменского, превративший своим выступлением этот вечер в настоящее событие.

Курсы по заочному изучению православного богословия

Имея в виду удовлетворить лиц, желающих изучать православное богословие, проживающих вне Парижа и не могущих поэтому посещать лекции, Женские Богословские Курсы организуют в этом году **заочное изучение православного богословия**. Организация заочного изучения богословия возможна сейчас только потому, что Женскими Богословскими Курсами издано много, напечатанных на ротаторе, лекций профессоров Богословского Института, читающих лекции на Женских курсах.

В настоящем году организуется заочное изучение следующих курсов: 1) Священное Писание Ветхого Завета (ч. I). 2) Священное Писание Нового Завета (ч. I). 3) Апологетика (ч. I). 4) Литургика. 5) Церковный строй (ч. I).

За всеми справками надлежит обращаться к Секретарю по адресу: Madame Rapponett, 91, rue Olivier de Serres, Paris-XV°.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc.

New-York, N.Y., U.S.A.

КНИГИ ИЗВЕСТНЫХ АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ
В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ:

ФРЕДЕРИК ЛЮИС АЛЛЕН — Большие перемены. 346 стр. 550
Цена во франках

Книга Фредерика Люиса Аллена представляет собой яркий и живой анализ тех перемен, которые произошли в американской жизни за последние пятьдесят лет.

ЭДУАРД БОК — Как Эдуард Бок стал американцем. 384 стр. 600

Рассказ о том, как иммигрант, приехавший в Америку семилетним мальчиком, впоследствии стал редактором одного из самых распространенных журналов.

СТИВЕН КРЕЙН — Алый шеврон мужества. 219 стр. 350

Эпизоды из гражданской войны в Соединенных Штатах составляют фабулу прозведения.

ЭЛИЗАБЕТ ПЕЙДЖ — Утро свободы. Том I — 406 стр. 550
Том II — 391 стр. 550

Роман писательницы Пейдж изображает Америку второй половины XVIII века, в эпоху борьбы за независимость. Перед читателем проходит три поколения американцев — пионеров ее политической свободы и экономического расцвета.

КОНРАД РИХТЕР — Дебри. Роман. 264 стр. 450

В этой книге Рихтер изобразил завоевание первыми колонистами девственных лесов огромных просторов американского континента.

Эти, как и многие другие ценные книги, самого разнообразного содержания, можно получить в русских книжных магазинах.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1955 ГОД

« В Е С Т Н И К »

Православный орган религиозной мысли
и церковно-общественной жизни.

XXI-й ГОД ИЗДАНИЯ

Во всех странах подписка с целью поддержки издания равняется двойной стоимости обычной подписки.

Во Франции: Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier-de-Serres, Paris-15e. C.C.P. Paris 2441-04.

в Марокко: Mme E. Mirkovitch, 36 Derb Abda Kasba, Marsekch, Medina, Maroc.

Обычная подписная плата на год: 500 фр., с целью поддержки — 1000 фр.

в Америке: Miss. Olga Seredinsky. 34 Rutledge Ave Trenton. N. J. U.S.A.

San-Francisco: Miss. Olga Raevsky, 408 North Street, Oakland 9, Calif, U.S.A.

Обычная подписная плата на год: 2 долл., с целью поддержки — 4 доллара

в Англии: Mrs. Frank-Ser London N. W. 1

Подписная плата на год: этого номера 1

в Австралии: Polyglott Victoria

Подписная плата на год:

в Бельгии: Mme N Подписная плата на год:

в Германии: Fräulein Hügels

Подписная плата на год:

в Италии: Arciprete Подписная плата на год:

в Канаде: Mr. O. L. Подписная плата на год:

в Финляндии: Rev. S Подписная плата на год:

в Швеции: Prost Подписная плата на год:

Пробные номера

Редактор: И. В. Морозов

Импр.

4/5 - 02

600

СВЯТОСЛАВНИК

